

ГОЛОС ЗАРУБЕЖЬЯ

15

**Мюнхен - Сан Франциско
1979**

МЫ ПРОТЕСТУЕМ ПРОТИВ АРЕСТА О. ГЛЕБА ЯКУНИНА И ТРЕБУЕМ ЕГО ОСВОБОЖДЕНИЯ

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редакции: Мать Тереза.	1
В. Кобылин. Наше credo.	3
А. Федосеев. Осторожно! Ловушка!	5
Н. А. Нефедов. Ольга Берггольц... Е. Евтушенко... К. Паустовский	9
Д. Штурман. Некоторые количественные итоги полувекowego приложения марксизма к практике	12
В. Ильин. Плеяда предшественников символизма.	21
Анатолий Кузнецов. Совесть.	24
Владимир Рудинский. Обзор зарубежной печати	27
В. Пирожкова. Стратегия Москвы.	32
Е. Кармазин. Новая политэкономия и общество независимых Д. Панина.	35
Сообщение для прессы.	37
В. Пирожкова. Памяти Ирины Евгеньевны Сабуровой.	38
Нужно помочь Борису Солоневичу.	40
Письмо в редакцию В. Рудинского.	40

Письма для редакции и подписку
просим впредь направлять по адресу:
Dr. Vera Piroscow, Einsteinstr. 104/III
D-8000 Munchen 80, W. Germany.

ГОЛОС ЗАРУБЕЖЬЯ

МЮНХЕН

№15 Декабрь 1979.

САН ФРАНСИСКО

С великим прискорбием мы сообщаем о кончине нашей сотрудницы, секретаря нашей редакции, Ирины Евгеньевны Сабуровой. Ирина Евгеньевна скончалась скоропостижно от удара 22 ноября с. г. Некролог см. на странице 38.

МАТЬ ТЕРЕЗА

Может быть, в мире еще случаются чудеса. Или как назвать то, что Нобелевский комитет дал премию мира матери Терезе? Ведь этот комитет уже опускался до нелепой премии Вилли Брандту и даже до страшной премии Генри Киссингеру и Ле Дукто за «мир» во Вьетнаме! Какой это мир? Сотни тысяч беженцев на каких-то скорлупках в море, тонущих, разрывааемых акулами или умирающих с голода на пустынных берегах маленьких островов, если им удастся причалить к такому берегу. Христианский Запад, который хоть и не оставляет тех, кто не утонул, совсем без помощи, одновременно требует от коммунистов, чтобы они гонялись за отчаявшимися людьми, возвращали их в свой «рай» и, конечно, отправляли в концлагерь. Куда же еще? Вот за то, что они помогли создать такой ад, Киссингер и Ле Дукто получили премию мира! Трудно выдумать более жестокую насмешку.

И вдруг мать Тереза. Старая католическая монахиня, албанка по национальности, посвятившая свою жизнь самым бедным из бедных, умирающим от голода и болезней без врача, брошенным на улице детям в Индии.

Сколько людей она видела, которым медицина уже не могла помочь. Они попадали к ней только для того, чтобы умереть в человеческих условиях. Облегчать смерть? «Бесполезное занятие», — скажут многие в наш материалистический век. Но как раз это мать Тереза и поставила себе самой первой задачей. Она рассказывает об одной женщине, которую привез-

ли уже совсем при смерти. Она ухватила руку матери Терезы своей слабеющей рукой, пожала ее, улыбнулась просветленной улыбкой, прошептала «спасибо» и умерла. Это была одна из лучших смертей, какие видела мать Тереза. И в этом великий смысл. Смерть, переход в вечность с просветленной улыбкой на устах после стольких бед и страданий, с благодарностью, а не с проклятьем той страшной жизни, которую пришлось прожить. Что может быть выше этого?

Помощь умирающим, это была первая задача, которую поставила себе мать Тереза, а затем и ее ученицы и тот орден, который возник из маленькой первоначальной группы. Постепенно дело ее ширилось: накормить голодающих, приютить брошенных детей, найти, если можно, им приемных родителей. А затем дать советы семьям бедных, советы как лучше организовать жизнь, как воздержанием в браке избежать слишком большого количества детей. Воздержанием, а не безграничным развратом с помощью «пилюли». «Они знают, что мы, монахини, даем обет пожизненного воздержания, а потому от нас они принимают советы», — сказала мать Тереза. Советы легче принимать от тех, кто взял на себя еще более тяжелое и строгое, чем от тех, кто говорит одно, а делает другое. А сколько есть на свете таких «проповедников христианства».

Но если ребенок появился, хотя бы в самом начале, то его надо принять. Господь уже создал его бессмертную душу и отвергать его или даже убивать — вели-

кий грех. Но в самой страшной нищете много брошенных детей. Хоть часть их подобрать, хоть часть принять и устроить. Как говорил Спаситель: кто примет дитя, тот примет Его Самого.

Ведь Он Сам указал нам Своим Рождением на самых бедных из бедных. Снова приближается праздник Рождества Христова. Снова западные христиане, а, может быть, и кое-кто из православных будут ставить символические ясли, хорошеньких овечек, осликов и пастушков. В теплой, хорошо обставленной квартире, под разукрашенной елкой все эти символы превращаются в милые игрушки, ни к чему не обязывающую традицию.

Но почти две тысячи лет тому назад было не так. Вифлеем, так же как и Иерусалим, расположен на горах. Зимой там очень холодно. Бездомное положение Матери Господа, хлев как единственное пристанище и ясли как единственная колыбель для Новорожденного были настоящими, не символическими. Бедность, нищета и покинутость в момент Рождения Бога на земле были настоящими, не выдуманными. Покинутость. Как раз мать Тереза, которая имеет дело с самыми нищими, самыми голодными, сказала, что нищета, даже голод еще не самое худшее. Самое худшее, это заброшенность человека, самое худшее, если никто о человеке не заботится, если ему не к кому пойти, как говорил жалкий пьяница Мармеладов в «Преступлении и наказании»; надо же, чтоб у человека было к кому пойти. И мать Тереза подтвердила, что и есть самое страшное: когда не к кому пойти. Не забудем этого.

И может быть, в этом смысле вспомним другую женщину, помогавшую столь многим покинутым в нашем страшном мире, недавно скончавшуюся, русскую, во вторую часть своей жизни православную, Александру Львовну Толстую. И ей следовало бы дать премию мира вместо Брандта или Киссингера, но для Норвежского комитета заметить ее было еще труднее, чем мать Терезу.

Никто не ожидает от нас, слабых христиан, чтобы мы раздали все, что мы имеем, и отказались бы от наших домов, квартир и уюта. Но что если бы каждый из нас вместо лишнего подарка родным или знакомым, у которых все есть, или нашим и так избалованным детям, отдал бы эти средства кому-нибудь действительно бедному, действительно голодающему или, если нет такого в нашем окружении, какой-нибудь достой-

ной благотворительной организации, Толстовскому центру или той же матери Терезе и ее ордену. Мы бы хоть вместе с другими приняли бы одного из тех, кого принять значит принять Спасителя. Именно в день Его Рождества.

Премия мира матери Терезе. Творит она мир? Когда ее спросили о политике, она ответила, что у нее нет времени ею заниматься. У нее действительно нет времени. Но, конечно, она творит мир. Невозможно, чтобы все люди стали такими, как она, но а если бы... Где были бы тогда концлагеря, где войны, убийства людей людьми, мучительства? Их не было бы и в помине. Творит столько добра людям, она, конечно, творит мир по мере своих сил, вокруг себя, а теперь в виде примера немного и во всем мире.

Мать Тереза — глубоко верующая христианка и верная дочь своей церкви, но она не делает разницы между вероисповеданиями и религиями, когда протягивает руку помощи. «Делайте людям добро, — говорит она, — и если вы христианин, вы станете лучшим христианином, если мусульманин — лучшим мусульманином, если буддист — лучшим буддистом и т. д.». Большинство ее подопечных в Индии — не христиане. Но вокруг нее преимущественно индусские сестры, тоже католические монахини, и многие из них стали христианками, видя пример самоотверженности матери Терезы. Мы не знаем, сколько она, сама того не зная, расположила к христианству, может быть, даже привела. Пример — это самая лучшая проповедь. Это не значит, что не надо проповедывать словами. Кому дан дар слова, тому грешно его не использовать. И Спаситель проповедывал словами, а не только делами и примером. Но с другой стороны «вера без дел мертва есть».

Премия мира для матери Терезы. Что это означает? Символ начинающейся перемен в мире? Ценится не формальное окончание войны, несущее с собой стократный ужас для всего населения, не «кладбищенский мир», а деятельная христианская любовь к ближнему? Исключение, позволяющее комитету забыть свою «нечистую совесть» после страшных премий, которые он раздавал?

Мы бы от души желали, чтобы это приращение премии было началом изменения сознания в мире, хотя бы только началом преодоления той пугающей поверхности, которая в наше время широкой, быстрой и крайне поверхностной информации все больше распространяется в мире; начало более

серьезного отношения к христианским истинам и к основам христианской жизни.

Может быть, символично то, что премия мира дана именно матери Терезе в тот

год, когда исполняется столетие со дня рождения Иосифа Сталина, самого страшного человека нашего жестокого столетия.

Редакция.

В. КОБЫЛИН

НАШЕ CREDO

Наше время чрезвычайно сложное и лишено той необходимой ясности, которая дает возможность оценивать убедительно и трезво то положение, которое существует сейчас во всем мире. Это касается в первую очередь нашего «русского вопроса».

То что называется «русским вопросом» объемлет в себе действительность в Советском Союзе, Русское Зарубежье и отношение к нему со стороны мира иностранного, где бы это ни было.

Исследование «русского вопроса» требует многого. Прежде всего, нужно иметь возможность пользоваться необходимыми материалами, сведениями и сообщениями. Нужно уметь пользоваться всем этим, отбрасывая незаслуживающие доверия сообщения явно сенсационного или предвзятого характера. Ни в коем случае нельзя обнаруживать склонность к каким-либо материалам, которые «подходят» к пожеланиям и стремлениям лица, занимающегося этим исследованием. В этом случае пристрастность лишит всякой ценности результаты такого исследования.

Чтобы дать полное представление о том, как рассматривался весь комплекс этого сложного вопроса в Зарубежье, необходимо оглянуться назад, вернуться к 20-ым годам. Тут надо сказать, что тенденция рассматривать «процессы оздоровления» положения в Советском Союзе, «возрождения», «перерождения» власти и «изживания» коммунизма лишала все эти обсуждения в печати и на собраниях серьезного характера. Обстоятельства эти осложнялись еще и тем, что в Советском Союзе в соответствующих инстанциях разрабатывались проекты обезвреживания политической эмиграции путем тонкой провокации, дезинформации и в нужных случаях даже похищения людей.

Одним из первых мероприятий советов было «сменовеховство», которое было связано с именем профессора Устрялова. Затем последовал знаменитый «Трест», который показал отсутствие критического отношения со стороны представителей политического Зарубежья к провокации, а часто

и недобросовестность, как это было с В. Шульгиным, выпустившим свою книгу «Три столицы», уже зная, что «Трест» — советская провокация.

Затем последовала грандиозная провокация печальной памяти младороссов. Советские соответствующие круги учли сильные в то время монархические настроения в русском Зарубежье и выбросили лозунг — «Царь и Советы». При помощи проходимцев типа Казем Бека и других людей «из общества», советам удалось сбить с толку немало людей, слепо поверивших «изживанию и перерождению» коммунизма. И это как раз в то время, когда был устроен искусственный голод на Украине, сведший миллионы людей в могилу, когда коллективизация разорила крестьян, когда «черные вороны» ежедневно и еженощно выхватывали несчастных людей из их семей, обрекая их на заключение, непосильный труд и смерть.

Затем во время второй мировой войны появилась тенденция, вскормленная теми же провокаторами-младороссами, о «чаяниях народа», которые реализуются советским правительством. На эту приманку пошли тысячи русских эмигрантов, оставившие свои вполне приемлемые условия жизни, и отправившиеся на «родину, которая их простила». Все они, за исключением очень немногих, оказались в лагерях, где и окончили свой земной путь. Все Зарубежье стало кишеть явными и тонко закамуфлированными советскими провокаторами, что продолжается и по сей день.

С появлением «третьей волны» эмиграции появилась чрезвычайная опасность советской провокации, которая говорит о глубоком понимании советов в смысле полного изживания антикоммунистических настроений в Зарубежье.

«Диссиденты», говорящие о расчленении России, о политике «внутренних колоний», вызывают явное неодобрение широких масс Зарубежья, которые начинают видеть в советской власти «хранительницу единства Родины», «бастион русскости» в

духе сентиментальных декламаций.

Тут стоит упомянуть о некоторых статьях в журналах «Русское Возрождение» и «Свободное Слово Карпатской Руси». Сам редактор «Русского Возрождения» князь С. Оболенский говорит о том, что коммунизм в Советском Союзе «изжит». Так и говорит!

Вл. Нилов в «Свободном Слове» пошел значительно дальше. В его статьях уже реабилитируется советская власть. Она представляется «старичками, боящимися перемен». В Советском Союзе уже «нет мерзавцев и негодяев», а есть бюрократы. За последние 25 лет террор почти прекратился, а в лагерях сидит только 10.000 заключенных. Так и говорит! — Подсчитаны, так сказать, компьютерами. Тут возникает вопрос: глупость это или провокация? — Если глупость, то на кого она рассчитана? — Если провокация, то уж очень она нехитра и кого она убедит? — Хотя в последнем случае можно все же усомниться, что не убедит. Ведь помещаются же статьи с восхвалениями художника Ильи Глазунова, причем восхваления носят какой-то «неумный» характер.

В некоторых печатных органах появляются тоже статьи, в которых говорится о возрождении и всяких там чаяниях. Все это как-то или слишком сентиментально или тенденциозно.

Но поставим вопрос, совершенно объективно и спокойно. Что на самом деле происходит и в Советском Союзе и в нашем Зарубежье и в иностранном мире? — Сперва коснемся того, что представляет собой иностранная политика Советского Союза.

Тут мы увидим, что руководители Советского Союза добились явных успехов. До начала второй мировой войны коммунистическая власть существовала только в Советском Союзе. После окончания войны вся Восточная Европа была отдана по Ялтинскому соглашению Советскому Союзу. В Польше, Восточной Германии, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Югославии, Болгарии, Албании установлены коммунистические режимы. Прибалтийские государства — Литва, Латвия и Эстония присоединены к Советскому Союзу. Китай, весь Индо-Китай (Вьетнам, Лаос и Камбоджа) и Монголия находятся во власти коммунизма. В Африке библейская Эфиопия, Ангола, Мозамбик, Конго и другие небольшие республики находятся в зоне влияния Советского Союза. В Афганистане командуют советские генералы. Наконец, среди арабов Йемен коммунизирован окончательно, а Ирак, Сирия,

Алжир и Ливия принимают «покровительство» Советов. И, наконец, под боком у Соединенных Штатов, в 90 милях от берегов Флориды находится на Кубе бастион советской военной силы. Открыто воинские соединения Советского Союза всех родов оружия занимаются интенсивной разведкой и собиранием нужных сведений. Никарагуа и Сальвадор, а также отчасти Панама «симпатизируют» кубинскому эксперименту Кастро.

Из этого короткого перечня мы видим об исключительном успехе внешней политики Советского Союза.

Что касается военного потенциала Советского Союза, то тут надо сказать, что достигнуто превосходство почти во всех родах оружия. В особенности поражает усиление морского флота. Советский Союз явно стремится к занятию первого места как морская держава. Арсенал термо-ядерного оружия увеличивается с неизменной скоростью и никакие Солты, ни первые, ни вторые, ни какие там еще в будущем, не задержат этого роста.

Теперь внутренняя политика. Неудачи на агрикультурном фронте несомненны. Но канадская и американская пшеница и кукуруза восполняют эти пробелы. Технологии, конечно, отстают от американской, но это не уменьшает видимой силы Советского Союза настолько, чтобы уменьшен был бы общий потенциал. Преследование инакомыслящих проводится неукоснительно. Выпускаемые евреи используются для какой-то выгодной для советов игры с Соединенными Штатами. Дайте нам то-то и то-то, а мы увеличим еврейскую квоту. Но выпускают только того, кого хотят. Расстреливают меньше, но психические больницы полны. И несчастных людей калечат не только физические, но и психически, что гораздо хуже.

Туристы последних двух лет говорят об ухудшении отношения к иностранцам. Обыскивают грубо и часто отнимают кресты, принадлежащие туристам и не предназначенные для распространения среди населения Советского Союза. Наконец, бегство за последнее время видных представителей искусства и спорта, которые жили в более благоприятных условиях, чем другие, говорит о режиме, который никак не хочет «перерождаться» или «изживаться», как бы этого ни хотелось пишущим в зарубежных журналах.

Общим правилом является то обстоятельство, что успешная иностранная политика и военное усиление страны ведет к

укреплению режима. Стоит вспомнить события 1917 года, когда враги русской государственности не допустили победы России в первой мировой войне, чтобы успешно провести переворот.

Иностранцы, то есть вернее ответственные круги всех иностранных государств почти всегда недоброжелательно относились к России. Это было еще при допетровской Руси, так же есть и сейчас. Все ужасы коммунизма, его бесчеловечные методы управления, все безрадостное существование социалистически-коммунистического муравейника относятся иностранцами на счет «русского феномена». И не видят того, что и в Китае, который не может быть обвинен в русофильстве, такой же ужас обезчеловечивания всей жизни, превращение людей в роботов, в покорных исполнителей воли преступных маньяков. Марксизм-ленинизм,

он же коммунизм, — это болезнь похуже чумы и проказы. Это — наказание Божие за отход от нравственного закона, от примата духа над материей.

Наша статья озаглавлена «Наше credo». Во что-же мы верим? — Чего мы ищем в нашем стремлении исследовать «русский вопрос»?

Мы верим в конечную победу Добра над Злом. Мы верим, что коммунизм как метафизическое Зло будет уничтожен. «Бог посрамлен не бывает» и мы этому верим. Но когда это будет? — Сказать этого мы не можем. Можно сказать только с уверенностью, что не скоро. Надеяться на кого-либо со стороны нельзя никак. Надеяться можно только на веру в то, что Бог, излив свой праведный гнев, поможет дерзанию сокрушить злую силу.

В. Кобылин.

А. ФЕДОСЕЕВ

ОСТОРОЖНО! ЛОВУШКА!

Едва ли в наше время найдется даже единственный человек, который открыто не хотел бы свободной, безбедной и достойной жизни, как для себя, так и для других. Почему и для других? Потому что иначе полного удовольствия не будет: у многих людей есть совесть и сочувствие к ближним. В этом отношении современный средний человек резко отличается от человека, скажем, каменного века, которому заботиться о посторонних не разрешало собственное бедственное (по нашим масштабам) положение. По поговорке: не до жиру, быть бы живу.

Человек всегда и везде мечтал о хорошей жизни. Наше время отличается от этого «всегда и везде» тем, что за последние несколько столетий человек начинает мечтать о хорошей жизни именно для всех, а не только для себя. Помимо личного удовольствия это имеет еще и другие, очень важные причины. Во-первых, жизнь нынешнего человека, кто бы он ни был, совершенно неотделима от жизни всего общества. Во-вторых, потому что впервые в истории человеку показалось, что он достаточно умен и силен, чтобы осуществить своей волей такую хорошую жизнь для всего общества в целом, и для себя в том числе. Впервые в истории ему показалось, что он может соперничать с Богом в предопределении своей судьбы и в создании чего-то, похожего на земной рай. Очень многие люди, буду-

чи верующими, конечно, отвергли соперничество с Богом, но не могли отвергнуть мысли построить хорошее человеческое общество своими силами, не обязательно называя его земным раем. Таким образом можно считать, что в последние столетия эта мечта о земном рае овладела людьми всего мира независимо от их веры, профессии или общественного положения. Этой мечте сильно способствовало и общее улучшение жизни, в особенности, в развитых странах. Больше того, множество людей пришло к убеждению, что само это улучшение жизни является следствием борьбы за осуществление мечты: «Стоило людям подумать о правах, о справедливости, о равенстве и братстве и, вот, пожалуйста, всем стало лучше жить». Они отвергли факт, что только увеличение производительности труда путем введения машин и введения все более глубокого разделения труда могло улучшить жизнь и дать возможность человеку, удовлетворив наиболее насущные «шкурные» нужды, начать заботиться о других. (Как о святых, так и о жуликах я и здесь и далее не говорю). Большинство людей отвергло рациональную (материалистическую) причину как недостойную их духовного уровня и осталось твердыми в своем утверждении: причина человеческих несчастий есть результат злых умыслов и намерений эгоистичных людей (эксплуататоров). Уничтожьте эгоистов

или превратите их в самоотверженных и рай на земле обеспечен.

Как превратить эгоистов в самоотверженных

Таким образом, по мнению большинства необходима духовная переделка людей. Однако как же это сделать? Как превратить эгоиста в самоотверженного? Миллионы лет люди боролись за свое собственное существование. Миллионы лет люди были, прежде всего прочего, эгоистами. В разной степени и иногда неразумно, но эгоистами. Только теперь, обеспечив себя дюжиной рубашек, человек жертвует другому одну из них и, вероятно, уже поношеную. Любопытно, что почти все без исключения борцы против эгоизма или происходят из зажиточных семей или сами являются зажиточными. Тоже любопытно, что большинство борцов против эгоизма никак не борется против своего собственного эгоизма. Они борются за подавление эгоизма всех остальных силой государственной власти. В этом отношении они резко отличаются от многих религиозных личностей прошлого, которые прежде всего побеждали свой собственный эгоизм, раздавая все свое добро бедным и подвергая себя всем тягостям жизни, оказывая милосердие, так сказать, за собственный счет и подавая личный пример.

Опыт нескольких столетий показывает, что борьба против эгоизма не только не изменили эгоистичности духовного содержания человека (включая «борцов»), но, по мнению многих, нравственный уровень человека даже, якобы, упал. Оказалось, что процесс формирования духовного содержания человека и средства воздействия на этот процесс людям, практически, неизвестны. Оказалось, что нравственные качества человека являются глубоко индивидуальными и в одних и тех же условиях могут у разных людей быть совершенно разными, порождая одновременно и неразумных эгоистов и разумных самоотверженных. Можно сделать лишь один практический вывод: непосредственное и целесообразное воздействие на духовную сферу человека с целью ее насыщения, но радикального изменения невозможно. Во всяком случае, в обозримом будущем.

Беспрограммные и конкретные социалисты

Теперь вся масса мечтающих о земном рае разделилась на две части. Дело в том, что при всей неясности средств духовной переделки человека, нельзя отрицать неко-

торой связи духовного содержания с историей жизни данного человека. Поэтому одна указанная выше часть провозгласила: «Бытие определяет сознание. Чтобы переделать сознание, нужно переделать бытие. Чтобы переделать бытие, нужно радикально перестроить общество. Частная собственность порождает эгоизм. Следовательно, нужно, в первую очередь, ликвидировать частную собственность». Таким образом эта часть «мечтателей» разработала вполне конкретную программу и построения земного рая, и переделки для этой цели человеческого сознания — программу вполне конкретного социализма.

Другая часть и, пожалуй, весьма основательно, усомнились в таком решении вопроса, однако, совершенно отказавшись от разработки своей программы социализма. Если спросить беспрограммного социалиста, что такое его социализм, он никогда не ответит так, чтобы другому (и ему самому) было понятно. Беспрограммные социалисты характерны тем, что сколько их самих, столько же и их туманных представлений об их типе социализма. Поскольку ни один существующий социализм им не нравится, они, пожалуй, назовут в качестве некоторого приближения к их представлениям Швецию. В Швеции, однако, частная собственность является господствующим видом собственности. Если применить критерий ликвидации частной собственности следовало бы указать на Англию или Италию. Беспрограммных социалистов привлекает в Швеции ее высокий уровень жизни и социального обеспечения граждан от рождения до смерти. Причина этого высокого уровня в том, что в Швеции длительное время государство, профсоюзы и частные владельцы предпочитали взаимную кооперацию взаимной драке, которая происходит, особенно, в Англии и Италии. Беда заключается в том, что кооперация таких антагонистов как государство, профсоюзы и частники, вещь очень редкая и не очень долговечная. В Швеции она на пути к исчезновению.

Дефект беспрограммности

Так или иначе, беспрограммных социалистов характеризует их полная неспособность достаточно ясно представить себе свою цель. Неприятность заключается в том, что эта их неспособность подвергает их же весьма серьезной опасности, не разобравшись во время, попасть именно в тот конкретный социализм, который они отвергали. Нужно подчеркнуть, что конкретные социалисты оказались (не удивительно)

чрезвычайно успешными. Более 20 стран мира с населением в 2 миллиарда человек осуществили программу конкретного социализма, ликвидировав «основу эгоизма» частную собственность и обобществив народное хозяйство. Больше того, и в остальном мире позиции частной собственности непрерывно (тихо-мирно) ослабляются под давлением тех же конкретных социалистов и при благожелательном или пассивном отношении беспрограммных социалистов.

Однако строительство в 20 странах социализма типа «бытие определяет сознание» и «долой частную собственность» привело к крайне отрицательным последствиям. Все эти социалистические страны, без единственного исключения, оказались еще дальше от нашей мечты, чем раньше. Вместо исчезновения эгоизма произошел невероятный его разгул. Вместо свободы оказалось насилие. Вместо достоинства — унижение. Вместо безбедности — всеобщая бедность. Чтобы как-то спасти свою мечту, люди стали называть осуществленные социализмы коммунизмами, оставляя для мечты термин социализм. Некоторое основание для этого есть. Впервые программа конкретного социализма прозвучала в «Коммунистическом манифесте» Карла Маркса и является идеологией, в первую очередь, коммунистических партий. Суть дела, однако, в том, что никакой другой программы социализма кроме именно этой, «коммунистической» в мире нет. Больше того, и ожидать появления конкретной и ясной программы «настоящего» социализма не приходится. Свойства людей совершенно не согласовываются с социализмом.

Так или иначе, конкретные социалисты (коммунисты) решили теперь всеми способами маскироваться. Появился «еврокоммунизм», появились всякие «народные» партии, «рабочие» партии. Наконец, конкретные социалисты проникли во многие мощнейшие в мире «свободные» профсоюзы и подчинили их своему влиянию. Больше того, конкретный социализм даже начал маскироваться под религию (ислама, пока) или под религиозную организацию (как, скажем, Мировой Совет Церквей). Если не говорить о «еврокоммунизме», то большинство конкретных социалистов теперь открещиваются от коммунизма даже в названии.

Спрашивается, как же нашим многочисленным беспрограммным социалистам не влопаться в коммунизм? В Англии, в стране без писанной конституции, это может произойти запросто и без революции: осталось только обобществить банки и страхо-

вые кампании. Вопрос поэтому далеко не праздный. Спрашивается, как безошибочно выделить из огромного числа различных организаций и из всего оглушающего треска их привлекательных на слух лозунгов, терминов, и обещаний именно те, которые опасны, которые приводят к тоталитаризму социализма-коммунизма?

Единственный точный признак коммунизма

Вопреки мнению очень многих, этим главным признаком опасности не является однопартийность. Многие даже коммунистические партии обещают многопартийность. И ГДР, и Польша, например, имеют легально другие, не коммунистические партии. Даже в Китае вполне официально имеются другие партии, кроме КПК.

И не наличие или отсутствие выборного парламента является признаком. Во всех странах победившего социализма существует организация, которую они считают парламентом, хотя и называется она, скажем, Верховный Совет.

И не несколько кандидатов на одно место на выборах. Важно, ведь, что за кандидаты и кого они представляют: есть ли легальная оппозиция.

И даже не разделение властей. Во всех социалистических странах имеются отдельно законодательные органы, исполнительные органы и судебные. Вопрос, ведь, в том, насколько все они самостоятельны и независимы, а выяснить это чрезвычайно сложно. И не крики — «долой коммунистов и коммунизм» являются признаком. Даже драка между данной страной и другой, заведомо коммунистической, не является признаком. Любые коммунистические страны имеют разные между собой конкретные интересы, что приводит к разногласиям и дракам, что не мешает им быть одинаково тоталитарными.

Единственным безошибочным признаком будущего или настоящего тоталитарного социализма является обобществление хозяйства и ликвидация частной собственности.

Действительно, обобществленное хозяйство должно управляться. Кем? Теми или другими представителями общественной власти — чиновниками или специалистами. Однако, если только просто заменить лично заинтересованных в деле чиновников на лично не заинтересованных чиновников, то будет хаос и полное экономическое банкротство в кратчайший срок. Ясно, что обобществленное хозяйство должно разумно управляться в интересах общества, а не по про-

изволу того или другого чиновника. Смешно строить социализм, в котором будет господствовать хаос, произвол чиновников, инфляция, безработица и т. п. Хозяйство частной собственности управлялось автоматически законами свободного рынка и конкуренции. Конкуренции в убогости индивидуальных потребителей. Любого частного (в условиях свободной конкуренции, не нынешних монополий) обречен на разорение, если он не удовлетворяет потребителей (для чиновника имеет значение не потребитель, а начальник и его задание). Интересы миллионов потребителей, статистически складываясь, создавали силу, управляющую хозяйством в пользу именно этих миллионов интересов, а совсем не по произволу и эгоизму частного. Теперь, заменив частных на чиновников, нужно создать административную систему, не допускающую хаоса, произвола, инфляции, безработицы и охватывающую все народное хозяйство. Эта система обязана обеспечить баланс между доходами населения и количеством товаров и услуг, производимых общественным хозяйством. Ведь, если нарушить баланс, увеличив доходы населения без соответствующего увеличения продукции, получится инфляция.

Нужен и баланс между появлением новых рабочих рук и вложениями в производство для создания новых рабочих мест, чтобы не было безработицы. Нужны многие и многие другие балансы, которые система должна обеспечить для нормального функционирования общества. Следует отметить и необходимость высокой точности балансов. Ошибись в балансе рабочих рук на 10% и 10% безработицы немедленно появятся.

Как только это становится ясным, сыплются неизбежные последствия (если, конечно, продолжать строить социализм).

Первое последствие: система управления должна быть сама хорошо организованной, т. е. осуществлять единую, разумную линию. Следовательно, в основе должна быть единая воля. Ведь, даже два человека по важным для них вопросам очень часто не соглашаются. Производить всенародное голосование по каждому из огромного количества возникающих непрерывно вопросов невозможно. А как быть с мнениями и действиями сотен и тысяч чиновников или миллионов отдельных граждан-работников? Следовательно, сколько бы ни было чиновников, партий, самостоятельных лидеров, членов парламента, простых работников, все должны проводить одну установленную ли-

нию, т. е. подчиняться единой воле и обеспечивать единый комплект народно-хозяйственных балансов. А если эти чиновники, партии, лидеры, члены парламента будут «гнуть» каждый свою, отличную от других линию? Универсальный рецепт всего лишь один — страх и смерть. (Или отказ от социализма.)

Следующее последствие — коллективизация, т. е. национализация. Пища в частных руках может задушить государство и разрушить балансы, в которые пища обязательно входит. Пища в руках государства — мощный (и необходимый) рычаг управления.

Далее должна быть введена граница «на замке», монополия внешней торговли и неконтролируемая валюта. При неконтролируемых потоках людей, вещей и денег через границу балансы невозможны. Лихорадка курсов конвертируемой валюты тоже сделала бы балансы невозможными.

Я думаю, что после этих мер можно почувствовать чрезвычайную слабость управляющей единой воли в единой высоко организованной системе перед напором миллионов разных мнений и действий миллионов граждан, всяких организаций и отдельных влиятельных лиц. Что делать? Жизненно нужны КГБ, Архипелаг ГУЛаг, жесткая цензура, чтобы страховать систему от разрушения хаотическими мыслями и действиями миллионов граждан. Их мысли и действия, как правило, имеют в основе хорошие намерения, но могут разрушить систему, создавая хаос вместо порядка.

Как вы видите, ликвидация частной собственности закончилась и должна была закончиться тоталитаризмом. Недаром любые новые и старые социалистические страны строго следуют указанному мной развитию событий.

Очень важно понять, что такой результат не есть совсем следствие сатанинских свойств вождей социализма. Этот результат есть неизбежное вынужденное следствие ликвидации частной собственности. Единственное, в чем можно упрекнуть вождей социализма, почему они во-время не прекратили строить социализм и не вернулись к частной собственности.

Ключ

Таким образом, для избежания ловушки тоталитарного социализма-коммунизма, нужно следить не только за компартиями, не только за «плюрализмом», «парламентаризмом» и антикоммунистическими лозунгами, а, особенно, за тем, не преследуется ли или

не производится ли обобществление народного хозяйства. Человек или организация, добивающиеся господства обобществленного хозяйства в стране, являются последователями коммунизма даже и в том случае, когда они считают себя антикоммунистами.

Полное равноправие всех миллионов граждан без исключения и их свободная самодетельность в пределах закона и порядка есть основа и материального и духовного процветания общества. В свою очередь, это возможно только в условиях полного равноправия всех видов собственности и недопущения любых монополий и чрезмерных концентраций власти над людьми. К сожалению, Запад уже давно в значительной степени отошел от этих условий: «спасибо» за это и конкретным социалистам, а

так же и беспрограммным, вложившим свою долю в пропаганду социализма, не заботясь о последствиях.

В заключение, следует особо отметить, что эгоизм совсем не порожден частной собственностью. Он есть выражение (часто близорукое и неразумное) природного инстинкта сохранения себя и своего потомства, существующего миллионы лет и, в том числе, и в животном царстве. Без этого инстинкта не было бы ни человека, ни его цивилизации. Что касается именно близоруких и неразумных проявлений эгоизма, то они лучше всего подавляются и ограничиваются не государственной властью, а свободным взаимодействием миллионов людей в рамках закона, одинакового для всех.

Н. А. НЕФЕДОВ

ОЛЬГА БЕРГГОЛЬЦ... Е. ЕВТУШЕНКО... К. ПАУСТОВСКИЙ

В своем «Обзоре зарубежной печати» (Голос Зарубежья, № 13. В. Рудинский замечает, что я, мол, неправильно подхожу к вопросу о разнице между поэтами и писателями русскими и советскими, и берет под свою защиту Ольгу Берггольц, К. Паустовского и отчасти и Е. Евтушенко, о которых я писал в газете «Русская Жизнь», что поскольку они являются идейными и партийными коммунистами, и представляют не русскую, а только, и только — советскую литературу, то чтение их произведений вперемишку со стихами Пушкина и Лермонтова, как это имело место в зале Св. Серафимовского фонда, в Нью Йорке, в русских эмигрантских помещениях допущено быть не должно. В. Рудинский с таким подходом не согласен и считает, что их произведения в русскую литературу все же входят.

«Особенно удивляют, — пишет г. Рудинский, — нападки на Ольгу Берггольц; у нее мужа расстреляли, дочь умерла чуть не с голоду. Стихи (вероятно, ранние) во славу коммунизма легко ей простить».

Я очень уважаю и ценю Владимира Рудинского и как публициста, и как литературного критика — его остроумную критику марксистских публицистов, прибывших сравнительно недавно из Сов. Союза и вообразивших себя представителями русского или, по их терминологии, — советского народа, и принявших учить марксистскому уму-разуму российскую эмиграцию, я читаю с большим интересом и удовлетворением. Читаю по несколько раз. Поэтому,

если его удивили мои нападки на О. Берггольц, то меня ничуть не меньше удивила его защита этой покойной музы коммунизма. Да простит меня г. Рудинский, но я полагаю, он с публицистикой О. Берггольц, и вообще — с ее политической деятельностью, не знаком; а о ее поэзии имеет представление главным образом по ее лирическим стихам, ибо в противном случае чем же объяснить его заявление, что стихи во славу коммунизма она писала в молодости? Так или иначе, но это заявление абсолютно не имеет основания. Не только в молодости, но и в зрелом возрасте и на старости лет О. Берггольц не уставала писать стихи и поэмы во славу коммунизма, мировой революции, Ленина. Вот, для примера, несколько выдержек из поэм, написанных не «на заре туманной юности», а в 1959 г.:

«Коммуна!... (Лицо Ильича озарила улыбка — прекрасная) Да! Мы к Коммуне идем неустанно...

В горах, в полях, в селеньях
бьется наш народ.
Крестный твой, товарищ Ленин,
сам его ведет...

Что они могли играть победней
песни пролетарской мировой?
«Это есть наш последний
и решительный бой!»

А уже незадолго до своей смерти, а именно — в 1964 г., она писала:

«И я до ныне верить не устала,
и буду верить — с белой головой,
что этой жесткой светлой мостовой,

под грозный марш «Интернационала» сойдемся мы на праздник мировой».

Подобного тошнотворного пафоса во славу коммунизма и мировой революции у О. Берггольц полные страницы. Но, полагаю, что и приведенного достаточно, чтобы судить о ее поэзии не только по ее душещипательным стишкам.

Скорее всего, бациллы, человеконенавистнической марксистской идеологии были привиты будущей советской поэтессе еще в детстве ее отцом-большевиком, проделавшим всю гражданскую войну на фронте против Белой армии. В своей биографии О. Берггольц между прочим отмечает:

«Я училась в 117 трудовой школе и заветной моей мечтой была кожаная тужурка... мы мечтали о своем участии в последних и решающих схватках с мировой буржуазией».

Итак, девочка Оля мечтала не о чем другом, как о кожаной тужурке. В те времена кожаные тужурки как форму носили чекисты, так что уже с малых лет ее идеалом был чекист; а, наверное, она и сама собиралась стать чекисткой. Эта детская мечта до некоторой степени сбылась: хотя О. Берггольц чекисткой не стала, но в 1941 году стала политруком, а политруки, как известно, всегда были непосредственно связаны с ЧЕКА (в то время — НКВД).

В. Рудинский очень сочувствует Берггольц, что ей пришлось натерпеться. Действительно, в советском концентрационном лагере пришлось ей хлебнуть горя. Но посажена она была не за то, что критиковала советский режим, — об этом она позже всего боялась подумать даже и тогда, когда следователи плевали ей в лицо, — а потому, что был арестован ее муж — спившийся поэт Борис Корнилов. Ну и, как это в правилах чекистов, поэтесса была посажена как ЧСР (член семьи репрессивного). Однако не в пример другим ЧСР, она просидела недолго, около полутора лет. Но и это время, проведенное в грязных, промозглых бараках, в компании с воровками и проститутками, вшами, клопами и громадными крысами, других приверженцев советской власти многому бы научило, но не пролетарскую поэтессу. Ничего она не поняла, вернее, — не хотела понять и, как была, так и осталась верной «родной партии и правительству».

В 1939 г. О. Берггольц была выпущена, полностью реабилитирована и принята в партию. Поступив в Красную армию на пост политорганизаторши, она принялась комиссарничать, а побочно продолжала писать

стихи про Ильича. Во время последней войны О. Берггольц находилась в блокированном Ленинграде и призывала население не терять «революционного мужества», брать пример с героических питерских красногвардейцев (как будто бы те в 1917–18 гг. тоже падали с голоду) и... спокойно подыхать от истощения. Сама же Берггольц как политрукша получала офицерский паек.

Конечно, есть у Ольги Берггольц и немало талантливых стихов, в которых советская агитка отсутствует, но все же свой литературный талант, до которого далеко и Еvtушенко, и Вознесенскому, она главным образом растрачивала на прославления коммунистического строя, того самого строя, при котором ей лично довелось наблюдать в концлагере, как крысы съедали трупы погибших от голода и непосильных работ заключенных — это на нее не подействовало. Откройте любой томик ее произведений — будь то поэзия, проза или публицистика — и перед глазами замелькают знакомые слова по Краткому курсу истории ВКП(б): революция, коммунизм, капитализм, героические красногвардейцы, проклятые белогвардейцы... Ленин... Ленин... Ленин... Посмотрим, что она пишет о своем кумире. Вот, несколько выдержек из ее «Ленинского призыва» (1957 г.):

И у меня, как и у всех нас — у всех советских людей, есть «мой Ленин», и в разные периоды нашего неукротимого времени они предстают душе по-разному; это потому, что он давно уже стал неотъемлемой частью сознания и выходит в его непрерывное движение».

Сколько цинизма и лжи включает одна короткая фраза: «у всех советских людей есть свой Ленин»! Миллионы расстрелянных, погибших от голода, посланных Лениным на Соловки и в другие истребительные лагеря, и те более счастливые миллионы, которым удалось избежать чекистских застенков, вспоминали Ленина не иначе, как с проклятьем, а поэтесса-политрук заверяет нас, что Ленин стал у всех советских людей неотъемлемой частью сознания.

«У меня был, (продолжает поэтесса), почти сказочный, добрый и грозный Ленин детства; Ленин отрочества, романтический, еще сплошь взошедший на поэзии».

Словом, замесила поэтесса ленинское тесто на поэтических дрожжах и вот возшло это такое романтическое и сказочное божество, без которого в душе и жить не стоит. И дальше:

«Кроме того, мне кажется, что не только душевное состояние человека определяется тем

или иным его отношением к Ленину, тем или иным образом его царящим в душе, но что и характер самого времени тоже в значительной мере определяется отношением к Ленину, к его высоким заветам, к его нравственно-политическому кодексу».

Кстати, в том же номере Голос Зарубежья г-жа Д. Штурман поместила замечательную статью о Ленине, в которой приводит многочисленные ленинские приказы, дающие полное представление об этом самом «нравственно-политическом кодексе». Особенно замечателен приказ по телеграфу в Нижегородский совдеп, от 9. V. 1918 г., он стоит того, чтобы его привести еще раз:

«(...) составить тройку диктаторов, навести тотчас массовый террор, расстрелять и вывести сотни проституток, спавшающих солдат, бывших офицеров и т. п.».

Как мы видим, офицеры и т. п. приравниваются к проституткам и стрелять их без следствия и суда — на то они и офицеры и т. п. Не меньшего внимания заслуживает и другой ленинский приказ-телеграмма совнаркому Украины, от 26.V. 1919 г.:

«Декретируйте и приведите в жизнь полное обезоружение населения, расстреливайте на месте беспощадно за всякую скрытую винтовку...»

Каким же бесстыдством должна была обладать поэтесса Берггольц, чтобы после этих чудовищных приказов распространяться о каких-то высоких заветах Ленина, о его нравственно-политическом кодексе?! А мы все это должны ей легко простить, пустить ее в русскую литературу. Но вернемся к ее повествованию:

«Я не знаю, как назвать свое отношение к Ленину... Любовью? Нет, пожалуй, это сложнее и значительнее любви, хотя она, разумеется, входит в непрерывное меняющееся, обогащающееся восприятие Ленина как незабываемая основа. Это — Любовь!..»

Века не отделят Ленина от людей, от мира! Наоборот! Целые народы всех пяти частей земного шара поднимаются по ленинскому призыву на строительство нового общества. И все ближе и ближе Ленин сердцу человеческому...»

Несомненно, О. Берггольц была одержима ленинским комплексом до беснования. Для нее Ленин был даже не «гениальным человеком», как для других коммунистов, а чем то вроде «земного бога», или даже — бессмертного божества, «царящего в душе людей». Мне лично О. Берггольц представляется еще и истеричной стервозой, способной выцарапать глаза человеку, осмелившемуся помянуть Ильича недобрым словом. Неужели без музыки коммунизма Берггольц русской литературе не обойтись?

О другом большевистском барде — Е. Евтушенко во время его последнего посещения Америки в русской зарубежной прессе писалось немало. И если раньше кое-кто считал его почти диссидентом, то ныне все сходится на том, что вся его литературная деятельность, как впрочем, и Вознесенского, заключается в выполнении пропагандных функций советского правительства и «родной партии». Впрочем, еще раньше, во время его предыдущего посещения США, этот литературный бржевневский коми-вояжер получил от какого-то эмигранта по морде, когда с присущим ему большевистским цинизмом начал со сцены высмеивать и облаивать поджигателями войны и фашистами задавших ему каверзные вопросы.

А вот, г. Рудинский хотя и признает, что Евтушенко флюгер и подхалим, но тем не менее считает, что «его стихи, полные патриотизма, в нашей литературе, наверное, останутся». Но если быть последовательным, то придется согласиться с включением в русскую литературу и патриотических стихов Демьяна Бедного, написанных им во время последней войны... и не хуже евтушенковских. Неужели из-за нескольких патриотических стихов мы должны забыть ту грязь, которой поливал Д. Бедный и продолжает поливать Е. Евтушенко всех, кто не согласен стать коммунистическими рабами, каким является сам Евтушенко. Кроме того, не следует забывать, что весь «русский патриотизм» Евтушенко, Вознесенского или Симонова является не более, не менее как политическим камуфляжем для патриотизма советского. Русского патриотизма, так сказать — в чистом виде, не связанного с советской властью, с коммунистической идеологией, у Евтушенко быть не может.

Но может быть литературу надлежит от политики отделять? Хорошо. Но вот, В. Рудинский пишет в (Голосе Зарубежья № 12) о Владимире Набокове:

«Стоит ли с серьезным видом рассуждать вновь и вновь о грехе автора «Лолиты»? Да его основной грех — дурной вкус! И сей грех в литературе непростителен».

Совершенно правильно. А что же тогда сказать о дурном вкусе — правда, другого свойства — Е. Евтушенко? Ведь многие его стихотворения написаны определенно на блатном жаргоне — тут и «кореш», и «дурехи», и «бабье», и «заваруха», и «прохорья», и «газуй» и т. д. и т. д. Начинаящий урка мог бы у пролетарского поэта многому научиться. Для пущей крепости любит Евтушенко подпустить и мат — поэма-репортаж «Аполло-16»:

«(...)Почему прилипать вы вправе
и блаженствовать,
так вашу мать,
прилипали к поэзии,
к славе,
все привыкшие опозлять?!»

(Нужно ли пояснять, что «прилипалами» Евтушенко называет американских астронавтов с ракеты «Аполло-16», прилипших к славе советских космонавтов). Так что, надо думать, если литература В. Набокова дурного вкуса не простит, то тем более не простит русская литература Евтушенко не только его подхалимства, но и его блатного языка.

Что касается либерального коммуниста Константина Паустовского, то не смотря на его либерализм, он все же — писатель советский. И не потому, что он писал свои повести и рассказы в Сов. Союзе. М. Булгаков, Е. Замятин, А. Грин и многие другие тоже писали, живя в советской России, однако советскими писателями они не стали, а остались только и только — русскими пи-

сателями. Паустовский же уж больно обильно включал в свои произведения советскую пропаганду. И писал он во славу строительства коммунизма, во славу советского строя, по его утверждению — самого прогрессивного во всем мире, жирным шрифтом. И есть у Паустовского рассказ, посвященный доброму дядюшке Ленину — «Человек в потертой шинели». Его стоит прочитать хотя бы уже потому, что написан рассказ не чернилами, а медом и патокой.

В своем бессмертном труде «Архипелаг ГУЛаг» Солженицын написал о Максиме Горьком приблизительно так (цитирую по памяти): Прославил писатель М. Горький советские рабовладельческие лагеря... и навсегда вышел из русской литературы.

Тоже самое можно сказать и о Константине Паустовском: — Прославил писатель Паустовский палача России и величайшего злодея нашего времени — Ленина... и сразу вышел из русской литературы.

Д. ШТУРМАН

НЕКОТОРЫЕ КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ИТОГИ ПОЛУВЕКОВОГО ПРИЛОЖЕНИЯ МАРКСИЗМА К ПРАКТИКЕ

Предлагая читателю эту небольшую статистическую работу, мы должны заметить, что ни соотношение количественных параметров социалистической и капиталистической экономики, ни тенденция изменения этих параметров иными не стали. Напротив, в 1977 году распад экономики СССР, застой в науке, творческая депрессия в обществе, несоответствие между расходами и результатами и т. д. выражены еще резче, чем в предлагаемой нами картине.

Советская статистика давно научилась маскировать действительность, сохраняя при этом внешнее правдоподобие. Ею выработан ряд приемов, дезориентирующих читателя:

- 1) она предпочитает выбирать выгодные и замалчивать невыгодные показатели;
- 2) давать индексы и % % там, где невыгодны абсолютные величины;
- 3) давать абсолютные величины там, где невыгодны индексы и % %;
- 4) давать единичные показатели там, где невыгодны динамика и структура;
- 5) сопоставляя свою и зарубежную экономику, избегать однородных и наглядных в сопоставлении показателей;
- 6) соотносить современные свои пока-

затели с самыми тяжелыми эпохами и годами своего или чужого прошлого, а не с чужим настоящим и т. д.

Читателя-неспециалиста, человека, не следящего за советской официальной статистикой постоянно, систематически, целенаправленно, — такого читателя оглушает барабанный бой цифр, которые подаются в контексте демагогических од себе и беспардонных нападков на противную сторону. У него создается впечатление статистически доказанного процветания, а житейские опровержения этого процветания он относит за счет чисто местных упущений, злоупотреблений и затруднений.

Но читатель заинтересованный, сопоставляющие многообразные данные специальных и неспециальных советских изданий, может увидеть многое. Журналисты, ученые, общественные деятели, художники — каждый в своих целях, в своей связи — оперируют различными количественными характеристиками. Политики говорят о своих предшественниках. Программы перечеркивают одна другую. Кричит о своем искусстве. Растет переводная литература всех жанров. Индустриальное общество, претен-

дующее на современную технологию, не может отгородиться от мира.

Перед внимательным взглядом возникает картина достаточно достоверная.

А. Сельское хозяйство

Самыми выразительными в статистико-информационном отношении являются в СССР периоды смены правителей.

После войны таких периодов в СССР было два: 1954-56 г.г. и 1964-65 г.г. Сначала «коллегиальное руководство» по отно-

шению к Сталину, затем преемники Хрущева по отношению к нему самому допустили некоторую свободу исследования вчерашней и переходной ситуации.

Эти периоды обогатили советское общество неведомой ему с 1928-го по 1953 годы возможностью познать себя самое.

Итак, НАУЧНОЕ планирование — главный козырь защитников социализма в их полемике со сторонниками свободных рыночных отношений. Сопоставим некоторые данные двух советских глобальных «научных» планов:

Виды продукции (в млн тонн)	План Хрущева на 1965 г.	План Хрущева на 1972 г.	Получено в 1965 году	План Косыгина на 1970 г.	Произведено в США в 1957 г.
Мясо	16	25	4,8	5,9-6,2	16,6
Молоко	100-105	135	11,5	16-17	57,3

Как мы видим, хрущевский план, который до 1964 года рекламировался как самый научный план в истории СССР и подкреплялся титулами наиболее авторитетных ученых и учреждений, дает более чем 4-х кратное завышение по мясу и более чем 8-микратное завышение по молоку по сравнению со следующим «научным» же планом — косыгинским. Выполнение же хрущевского плана на 1965 год отстает от плановой цифры более чем в 3 раза по мясу и почти в 10 раз по молоку.

Несмотря на участие в планировании армии научных и производственных специалистов, вплоть до известнейших академиков, советскую экономику 8 лет трясло и толкало в пропасть нелепое намерение Хрущева за несколько лет «догнать и перегнать Америку» по производству мяса, молока и масла на душу населения, что катастрофически осложняло и без того нелегкую ситуацию в сельском хозяйстве.

Кто жил или часто бывал в те годы в селах, тот навсегда запомнил висящих на ремнях (иначе падали бы от истощения) коров в образцовых коровниках; грызущих друг друга и пожирающих поросят туберкулезных свиней в открытых загонах, кровь вместо молока в подойниках при электрической дойке истощенных коров и другие ужасы. Мне по сей день помнится запах горящего солидола, которым поливали многогектарные посевы «королевы полей»,¹⁾ сжигая их перед инспекторскими набегами из Москвы: гектары эти числились в сводках убранными, а убрать их не было никакой возможности...

Ленинская продразверстка и сталинская коллективизация озаменованы физическим истреблением крестьянства советской России.

Хрущевское «научно обоснованное» помешательство на кукурузе и на намерении скачком обогнать Америку увековечено не только мучениями животных, отчаянием колхозников и инфарктами председателей колхозов и сельсоветов, но и серией самоубийств в разных слоях партийных и хозяйственных функционеров: вспомним хотя бы «рязанское чудо» — фальсификацию небывалых удоев, забоев скота и урожаев, закончившуюся самоубийством секретаря Рязанского обкома КПСС.

Страна, худо-бедно, хорошо ли — плохо ли, но располагающая современной промышленной техникой и технологией, СССР слабо использует это свое (в значительной мере — международное для XX века) достояние. Тракторный парк СССР вырос с 1928 года в 156 раз. Удельный вес механических двигателей (в том числе и электрических) вырос за тот же период в сельском хозяйстве СССР в 122,57 раза. Однако общая годовая продукция сельского хозяйства СССР выросла с 1913 года только в 2,4 раза, производительность труда (все — по советским официальным данным) — в 5 раз. Правда, по данным М. Лемешева («Межотраслевые связи сельского хозяйства», вопросы анализа и планирования, Изд. «Экономика», М., 1968), потребность СССР в тракторах и сельхозмашинах обеспечена (1967 г.) на 40-50%, в электричестве —

¹⁾ Кукурузы.

на 25% и в минеральных удобрениях — на 25%; 2/3 работников совхозов и около 80% колхозников заняты, по этим данным, ручным трудом. Но все же рост технической и энергетической вооруженности значительно обгоняет рост продуктивности сельского хозяйства страны. Особенно наглядным становится отставание второго от первого, если учесть, что посевные площади СССР выросли с 1913 по 1964 годы ПЮЧТИ В 2 РАЗА. С учетом последнего становится вообще бессмысленным разговор о росте продуктивности и производительности труда в сельском хозяйстве СССР. О чем это свидетельствует?

О том, что легче ценой колоссального напряжения сил, лишений и принуждения (вспомним военный коммунизм, коллективизацию, индустриализацию, сопряженную с нищетой всей страны и ГУЛаговским многомиллионным рабовладением) построить определенную материально-техническую базу, чем заставить последнюю приносить окупающие ее плоды ПРИ НЕРАЦИОНАЛЬНОМ СПОСОБЕ ЕЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ.

Отдача от колоссальных капиталовложений в сельское хозяйство СССР не росла, а падала на протяжении последнего (1967) тридцатилетия. Сомневаемся в том, что на протяжении 1968–76 г.г. эта отдача могла возрасти: единственным широким нововведением в организацию сельскохозяйственных работ, повсеместно внедрившимся в практику последних лет, стала организация «зеленых цехов» на промышленных предприятиях, в НИИ, вузах, проектных институтах и других городских учреждениях. Это означает, что рабочие, служащие, научно-технические работники, учащиеся и пр. систематически отрываются от своих занятий и плохо, неквалифицированно, спустя рукава отбывают «рабочий урок» в подшефных колхозах или совхозах.

Доктор экономических наук В. Карнаухова («Известия» от 19/V 1967 г.) пишет: «Действительно, эффективность капиталовложений в сельское хозяйство была невысокой: индекс фондоотдачи за период 1945–1965 г.г. снизился со 100 до 58. При этом основные фонды на одного работающего за это время возросли в 5,3 раза, а производительность труда в 2,4 раза.»

Приведем несколько «частных» фактов²⁾.

²⁾Мы взяли в кавычки слово «частных», ибо иная российская губерния сравнима по площади с некоторыми иноземными государствами.

Пиковая урожайность зерновых в Смоленской области за десять лет (1956 — 1966) составляет 8,7 ц/га. Средняя урожайность (ЛГ, 1966, серия статей «Тревоги Смоленщины») не превышает 6 ц/га. Урожайность зерновых на западноевропейских землях тех же широт и того же качества (по данным ЛГ) составляет 30 ц/га.

Ю. Черниченко («Новый мир», № 11, 1968) сравнивает урожайность ржи в 1927 и в 1966 годах на тех же землях Калининской области:

1927 г. — 7 ц/га — при 80 тыс. голов крупного рогатого скота и 40 тыс. голов лошадей в данном районе;

1966 г. — 4,3 ц/га, крупного рогатого скота и лошадей практически нет.

«Экономическая реформа здесь страным образом тормозит рост, — говорит Ю. Черниченко. — Средний намолот всех колхозов Калининской области в 1966 году 5,5 ц/га.» Такой средний урожай и ниже дают «почти 1/3 общего числа хозяйств Нечерноземья, под зерновыми они держат 1 миллион 200 тыс. га.». «Урожай сам-два (высевают здесь не менее 2,5 ц.) не может восполнить трат на горючее, запчасти, на оплату Ивану Галахову (трактористу — прим. наше). Значит, новые ценности не создаются, а исчезают уже созданные. ...И механик, доставляющий запчасти, и агроном, который завозит семена, и парторг, создающий общественное мнение вокруг передовиков и бракоделов, тоже участвуют в условном действии, итогом которого будет не новый хлеб, а сносная жизнь, исполняющих какие-то операции».

Нет, не случайно был разгромлен тот «Новый мир», в ряду лучших авторов коего Ю. Черниченко занимал место, достойное его публицистического дарования, гражданского чувства и знания вещей, о которых он говорил.

«Сносная жизнь» ничего не создающих людей, не окупающих своим тяжелым трудом расходов общества на их прокормление, обеспечивается не «государством», а работой мало-мальски производительных узлов системы, создающих что-то сверх своего потребления.

Свидетельства, аналогичные приведенному выше, и таблица, приводимая ниже, с достаточной определенностью объясняют парадоксальный факт импорта хлеба в СССР из стран со свободным хозяйством».

Страна	Динамика посевных площадей (млн га)		Рост (раз)	Динамика сбора зерновых (млн тонн)		Рост (раз)	Урожайность (ц/га)	
	1913	1964		1913	1964		1913	1964
Россия/СССР	118,2	212,8	1,8	86,0	152,1	1,9	8,4-5,8	13,8-9,9
США	119,1	115,0	—	98,8	164,4	1,6	9,5	17,6
Англия							21,2	40,6
Франция							13,1	31,5
Япония						1956 г.	20,0	27,0

(Сб. «Страны социализма и капитализма в цифрах» М., 1966)

Рост сбора зерновых в СССР почти пропорционален расширению посевных площадей. Непонятно даже, куда девался рост урожайности, не отраженный в валовом сборе. В США примерно такой же рост сбора зерновых получен при сокращении посевных площадей. Американские и русские показатели 1913 года были гораздо ближе друг к другу, чем современные показатели. Разительно также расхождение в урожайности между СССР, Англией, Францией и Японией. В 1,3 раза большее, чем в США поголовье кур дает в СССР в 2,4 меньше яиц. Коровы доятся так, словно специально селекционировались породы, не перегружающие страну молоком; среднегодовой надой от коровы:

Страна	1953 г.	1964 г.	Рост (литры)
СССР	1389	1684	295
США	2514	3538	1024
ФРГ	2865	3571	706
Англия	2910	3010	100

По данным В. Владимирова производительность труда в сельском хозяйстве СССР в 1968 году составила 20-25% от производительности труда в сельском хозяйстве США («Экономическое соревнование двух мировых систем», М., Знание, 1969).

Ссылки на вторую мировую войну опровергаются примерами Японии, ФРГ, Израиля и других стран, потерпевших колоссальные ущербы в войнах и тем не менее далеко обогнавших СССР в сельском хозяйстве. Маленький Израиль, в сельском хозяйстве которого заняты 6,6% его трехмиллионного населения, делает подобные ссылки бессмысленными. В советском сельском хозяйстве заняты более 30% населения СССР, которые не обеспечивают национального потребления, несмотря на исключительное богатство природных ресурсов, изрядно, правда, подорванных и все более подрываемых нелепым хозяйствованием.

Программа КПСС 1961 года торжественно обещала к 1970 году превзойти американский уровень народного потребления. По

истечении 15 лет разрыв между СССР и США в этом отношении не сократился.

Б. Промышленность, техника, наука

Ссылки на якобы отсталость царской России или на войну неуместны при оправдании проигрыша СССР в экономическом соревновании с капиталистическими странами еще и потому, что Маркс и Энгельс в 1840-х г.г. объявили капитализм несостоятельным не по внешнеполитическим, а по внутренним, производственным, причинам. Согласно их прогнозу он должен был неотвратимо деградировать без всяких войн в связи со своей собственной тупиковостью. По отношению же к социалистическому обществу Энгельс (хотя бы в «Эльберфельдских речах») наперед отказался учитывать военные опасности и связанные с ними экономические осложнения, заявив, что перед социалистическим ополчением, «как солома» разлетятся вышколенные армии эксплуататорских государств. Однако сегодня (после 30 лет мира) все, по-прежнему, списывается на войну («гуляй, братцы, — война все спишет!»)... Чем же еще приемлемо объяснить такое: «По данным ЦСУ СССР производительность труда в промышленности в целом по СССР составляет в настоящее время 45-50% от уровня США, в строительстве — примерно 60%... в обрабатывающих областях производительность труда составляет в среднем 60-70% от американского уровня. Так, к примеру, в сталелитейной промышленности это соотношение составляет 62, а в угольной 15%. ...Так, в той же угольной промышленности СССР (при примерно равном с США уровне добычи) заняты сейчас 1200 тыс. человек, тогда как в США примерно 200 тыс. ...СССР заготавливает сырой древесины значительно больше, чем США, однако наша промышленность производит меньше таких продуктов обработки как бумага, фанера, картон, целлюлоза» (бумаги — США — 102 млн тонн, СССР — 3,8 млн. тонн; картона; США — 20,5 млн тонн, СССР — 1,9 млн тонн; фанеры: США — 13,2 млн тонн, СССР — 1,8

млн тонн; производство целлюлозы в сборнике не показано — см. «Мы и планета», 1967). «Выход готовой продукции на ряде наших деревообделочных предприятий в 4-5 раз ниже, чем на передовых предприятиях США... В 1967 году удельный расход условного топлива на отпущенный киловатт-час составлял в СССР 394 грамма, в США 356. В сумме эти граммы составляют многие тонны дополнительного добываемого топлива и дополнительные издержки, которых можно было бы избежать. ...Приходится констатировать то, что на ряде предприятий коэффициент использования металла не превышает 50-60%. В целом же по стране в стружку идет 35% металла, тогда как в США примерно 15%». (Данные той же работы В. Г. Владимирова). Автор замечает, что приведенные данные относятся к **НАИБОЛЕЕ ПЕРЕДОВЫМ** отраслям советской индустрии; в ряде новых, технологически долженствующих быть ведущими, промышленных отраслей положение хуже: «По целому ряду отраслей, например, по производству стали, металлорежущих станков, бытовых холодильников» (4,5 млн шт. в США — 2,7 млн шт. в СССР, «Мы и планета», 1967) «и других видов продукции мы приближаемся к США. Однако в ряде важнейших отраслей, например, по объему электроэнергии» (1387 млрд квтч — в США против 588 млрд квтч — в СССР, сб. «Мы и планета»), «пластмасс и химических волокон» (США — 8288 тыс. тонн, СССР — 1625 тыс. тонн, там же), «счетно-решающих устройств» (данных мы не нашли ни в одном массовом справочнике) «мы еще значительно уступаем США.»

«До 40% электрических двигателей останавливается из-за аварий в течение первого года эксплуатации. В результате на их ремонт ежегодно затрачивается больше средств, чем на изготовление. Ежегодные потери от использования недолговечных конструкций тракторов, станков и других машин общего назначения составляют примерно 2 млрд рублей. Создаваемые у нас отдельные виды машин по своему конструктивному и технологическому исполнению не соответствуют мировому уровню техники». (Д. М. Бардин, «Производительность труда и эффективность производства», М., изд. «Знание», 1967).

Итак, 2 млрд. печатно определенных потерь...

«До последнего времени примерно половина станочного парка была не загружена в расчете на двухсменный режим работы. Кузнечно-прессовое оборудование исполь-

зуется по времени не более, чем на 52%, а литейное — на 55%. Доведение коэффициента сменности работы оборудования с 1,4 до 2-х позволило бы увеличить выпуск продукции не менее чем на 30%. При этом будет (т. е. «было бы» — прим. наше) высвобождено такое количество станков, которыми можно оснастить около 800 крупных машиностроительных заводов. Велики размеры и неуставленного оборудования, в то же время в больших размерах имеются пустующие площади. Если бы замороженные таким образом средства были бы использованы, то годовой национальный доход был бы в настоящее время на 5-6 млрд рублей больше фактически полученного» (та же работа Д. М. Бардина).

Итак, 2 млрд и еще 5-6 млрд рублей — много ли это?

Все познается в сравнении.

Расходы на науку в СССР в 1965 году (год указанных Д. М. Бардиным потерь) составили 6,5 млрд рублей. В США (данные П. Л. Капицы, «Теория, эксперимент, практика», М., изд. «Знание», 1966) только по федеральному бюджету они составляют за тот же год 14 млрд долларов, а в целом по государству, с тем, что затрачивают на науку «меценаты и промышленность» (вероятно, еще и штаты), эти расходы составляют 21 млрд долларов, т. е. 19 млрд рублей золотом, что примерно в 3 раза больше, чем в СССР — без учета разницы в ценах.

П. Л. Капица сообщает: число ученых на 1000 человек населения в СССР примерно такое же, как в Штатах. Производительность же их труда, по мнению и расчетам П. Л. Капицы, в СССР в два раза ниже, чем в США. Автор считает, что этот катастрофический факт связан как с плохой организацией их труда, так и с бедностью материальной базы, с недостатком средств, которыми располагает наука (мы бы прибавили сюда утверждение Н. Винера, что наука не может быть производительной в странах, в которых ученый не свободен иметь убеждения, не зависящие от чьего бы то ни было диктата). 7-8 млрд рублей, вылетающих на ветер по причинам, указанным Д. М. Бардиным, могли бы **УДВОИТЬ** средства, отпускаемые в СССР на науку. Вместо этого П. Л. Капица вынужден рекомендовать вдвое уменьшить число ученых, чтобы улучшить материальную базу более узкого, но и более эффективного объема исследований (в 1970-х гг., советские ученые нашли самостоятельный выход: они бегут за границу в поисках луч-

шей материально-научной базы и свободы иметь убеждения).

«Уровень эффективности производства в СССР, как по размерам отношения национального дохода к основным фондам и оборотным средствам, так и по размерам национального дохода, приходящегося на одного работающего, пока что ниже, чем в США и в ряде других экономически развитых капиталистических стран. Если уровень эффективности производства по размерам отношения национального дохода к числу работающих принять за 100% (в СССР — прим. наше), то в США он составлял 252%, во Франции — 122%, в Англии — 107%, в Канаде — 175%, в ФРГ — 111%. ...Это означает, что уровень эффективности производства составлял в 1962 году примерно 39-48% американского (Д. М. Бардин).

Все эти сенсационные цифры появились в книгах и статьях 60-х годов. В первой половине указанного десятилетия они, сданные в редакции после XX и XXII съездов КПСС, еще относились к «промахам» сталинского руководства; во второй его половине они относились к «промахам» и «грехам» Хрущева и его руководства. В 1970-х годах подобные данные стали в печати крайне редкими, хотя положение по ряду показателей стало существенно хуже. По-видимому, публикации по этому поводу мы увидим только после очередной неожиданной смены имен в газетах и портретов в присутственных местах...

«За период с 1960 года по 1965 год (период диктатуры Хрущева — прим. наше), основные производственные фонды всех отраслей народного хозяйства выросли в 1,59 раза, а национальный доход в 1,38 раза. Величина национального дохода на один рубль основных и оборотных производственных фондов составляла в 1959 году 59 копеек, а в 1964 — только 52 копейки. Этот же показатель, рассчитанный как отношение национального дохода к стоимости только основных фондов, уменьшился с 91 копейки до 76 копеек. Если бы в 1964 г. в целом по народному хозяйству фондоотдача сохранилась на уровне 1958 года, то объем национального дохода увеличился бы на 48 млрд рублей» (Д. М. Бардин).

Итак, речь идет уже не о прогрессе, а хотя бы о стабилизации положения 1958 г. — года далеко не благополучного, если судить по тогдашним планам на будущее.

Акад. Трапезников в своем докладе на Всесоюзном совещании по проблемам автоматического управления (Тбилиси, 1968,

журнал «Автоматика и телемеханика», № 1, 1969) показал фондоотдачу за 1967 год:

в науке — 1,45 рубля на руб. капиталовложений;
в народном хозяйстве — 0,38 рубля на рубль.

В то же время промышленность США получала от 20 до 50 долларов на каждый доллар, вложенный в научные исследования, а журнал «Пейнт индастри магазин» дает цифру в 60 долларов (Г. Н. Волков, «Наука и общество», М., «Знание», 1967).

По данным экономиста Первушина («Новый мир», № 6, 1966, стр. 150), растет капиталоемкость национального дохода: «Если в 1956-58 г.г. на прирост 1 рубля национального дохода затрачивалось 1,5 р. производственных капиталных вложений, то в 59-63 г.г. на этот же рубль прироста нужно затратить уже 2 рубля 60 копеек. Еще больше затрачивается вложений для прироста «единицы национального дохода» в сельском хозяйстве. За семилетие основные фонды выросли на 90%, а национальный доход — только на 53%. По данным того же автора, мы затрачиваем «в 1,5-2 раза больше средств на экономический результат, равнозначный получаемому в развитых капиталистических странах». Затрата материалов на единицу годовой продукции, по данным той же статьи, в СССР вдвое выше, чем в передовых капиталистических странах.

А. Косыгин в докладе 1965 года указывает на трех-четырёхкратные превышения плановых сроков введения новых мощностей: 15-17 лет вместо 3,5-4-х. «Если бы % % незавершенного строительства только по производственным объектам был снижен с нынешних 78% до 55% к годовому объему капиталовложений — и то это означало бы увеличение основных производственных фондов примерно на 6 млрд рублей, что привело бы к росту национального дохода на 4,5 миллиардов рублей» (Д. М. Бардин).

Что ж, остается считать потерянные доходы, которых в нашей ограниченной выборке накопилось уже 52,5 миллиарда рублей.

Согласно государственному плану развития народного хозяйства СССР на 1969 г., «в текущем году возрастают доходы населения из общественных фондов потребления. Общая сумма денежных выплат, материальных благ и услуг, получаемых населением из этих фондов, увеличится за год примерно на 5 млрд. рублей и превысит 54 млрд рублей», т. е. расходы на здравоохранение, образование, культуру и социальное обеспечение, почерпнутые из налогообложения работающего населения СССР и вот

уже более полувека расцениваемые как благодеяния государства, должны достичь в 1969 году примерно суммы тех нелепых потерь, о которых говорят цитируемые нами авторы.

В СССР дипломированных инженеров примерно в 2 раза больше, чем в США (1965 г.): 1631 тыс. инженеров в СССР — 725 тыс. в США.

Маленькая иллюстрация организации и производительности труда полуторамиллионной армии советских дипломированных инженеров. Вот несколько газетных свидетельств (ЛГ, 9 апреля 1969 года, № 15, дискуссия «Инженер и время», подзаголовок: «Талант. Должность, Зарплата»).

«На машиностроительных предприятиях Новосибирска, например, в совершенствовании производства участвует только треть инженеров и техников. На Таганрогском заводе «Красный котельщик» по моей просьбе подсчитали, сколько инженеров и техников в возрасте до 30 лет участвует в техническом творчестве. Оказалось, только 17%.

Давайте наложим эти цифры, с оговоркой, конечно, на масштабы страны. Получится, что около 2,5–3 миллионов ИТР не участвует в техническом творчестве. Расчет, разумеется, весьма условный. Но отсутствие точных расчетов такого рода уже о чем-то говорит.» (Н. Джурихин, инженер).

«На хорошем счету?»...

«Наш институт имеет очень звучное и модное название и считается проблемным, головным, а об организации труда и эффективности использования инженеров судите сами: примерно половина рабочего времени проходит у нас в разных разговорах, чтении газет и журналов. Работа настолько не напряженная, что бывают дни, а иногда недели и даже месяцы, когда все сотрудники буквально изнывают от безделья» (И кто у них там в колхозах работает? Куда смотрят партийные органы? Строек, что ли, в городе нет? Это свидетельство устарело: сегодня все лишние и даже некоторые не лишние ИТР пристроены к делу в «зеленых цехах» и на стройках Д. Ш.), «не зная, куда употребить свое время. Широко практикуется игра в шахматы в рабочее время, а у женщин — многочасовое хождение по магазинам (опять же — в рабочее время) и даже, можете себе представить, на дневные сеансы (в основном, летом, когда начальство уходит в длительные отпуска)». (Д.

Викторов, инженер, Москва).

То, что нарисовано в этом и в последующих отрывках, есть одна из самых сильных (мы не оговорились) сторон социализма: на подавляющем большинстве рабочих мест можно работать либо плохо, либо мало. Это не дает высокого уровня жизни, зато возникает небывалая даже для XIX века «обломовщина», формирующая тип человека, неспособного работать, а значит, и жить где бы то ни было, кроме обретенной им экологической ниши, — иначе как в привычной для него ситуации ложной занятости.

Попробуй, захоти перемен, захоти капитализма с его беспощадной «коррекцией» на минимум необходимых общих затрат (акад. Трапезников); если ты привык к своей институтской Обломовке так, что никакого повышения жизненного уровня, никаких свобод ценой превращения в Штольца³⁾ уже купить не сможешь: не тот человек... И бастовать, слава Богу, бесполезно: чего выдавишь из «хозяина» (даже если не кинет тебя в кутузку и не сгноит там при такой работе?⁴⁾ Другая сторона медали, пожалуй, самая темная. Дело в том, что эти 7 наших «инженеров» фактически на 80% не загружены работой. Как ни парадоксально, но факт.

В чем здесь причина?

В первую очередь в плохой организации производства и планирования. Наш начальник отлично осведомлен о периодах нашего вынужденного безделья, но с этим он мирится, т. к. из опыта знает, что в любое время может появиться такой объем работ и такие сроки, что наших сил не хватит. И вот в ожидании таких случаев бьем баклуши.

Теперь можно сделать выводы: при четкой организации и соответствующем стимулировании можно сократить количество технического персонала наверняка вдвое и использовать освободившиеся силы там, где их действительно не хватает...

С уважением

В. Яструбинский

Инженер-технолог, Москва.»

Люди, воспитанные в такой производственной обстановке, со временем утрачивают способность работать более напряженно. Если соединить с этими психологическими обстоятельствами еще и тот факт, что кон-

³⁾ Герой романа «Обломов» Гончарова — антипод Обломова.

⁴⁾ Впрочем, забастовка как форма протеста против тех или иных эксцессов в сфере организации труда начали пробовать себе дорогу среди рабочих.

курентный капитализм с его хаотической, стихийной оптимизацией производства **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** весьма безразличен к личности и ее интересам,⁵⁾ (если личность не действует в русле этой автоматической оптимизации), то антипатия советских людей к капитализму станет еще понятней. Советский человек воспитан в глубоком подсознательном убеждении (впитанном из марксистской фразеологии, составляющей с рождения воздух его сознания), что не может не быть где-то на свете, сейчас или в будущем, идеальных форм сознательной организации общества и его производства. Поэтому формы не идеальные, а всего лишь лучшие по ряду параметров, чем советская, его не устраивают (хотя у советского строя, по сравнению с капитализмом конкурентным, преимуществ, кроме его всеобъемлющей обломовщины, нет и не может быть).

«Комсомольская правда», 26 марта 1968 года, статья «Инженер»:

«...Выясняется, что инженер на сегодняшнем предприятии выполняет буквально ворох несвойственной его профессиональному уровню черновой работы. Он лично чертит все несложные детали (а их большинство), рисует графики, диаграммы, бегает с распоряжениями, заказами, получает ватман, кальку, карандаши, т. е. он сплошь и рядом подменяет техников и чертежников. Почему? Да потому, что на сегодняшний день наблюдается очень странный парадокс, согласно которому мы совершенно не вправе задать, например, вопрос: сколько инженеров (!) приходится на одного техника или чертежника? И вот итог: на одного техника приходится 12 конструкторов. Разумеется, на разных предприятиях эта цифра варьируется. Самое хорошее соотношение по машиностроительным предприятиям Белоруссии — 6:1. А вот на заводах США — 2:1. Подготовка инженеров и техников во Франции определяется соотношением 1:4, но экономисты считают, что самая целесообразная пропорция 1:7. Выходит, мы отстаем от «идеала» в 84 раза.⁶⁾

Техники не идут работать в конструкторские отделы: зарплата здесь — 75 рублей (в месяц — прим. наше). Работая в цехе мастером, этот же техник получает 115 рублей. В конструкторском же отделе, так сказать, у колыбели технического прогресса,

он только спустя 5-7 лет, да и то, если зачислят на должность инженера-конструктора без категории, будет получать 95 руб.

Ясно, что такая «экономия» на зарплате оборачивается немалыми издержками — ведь квалифицированный специалист вынужден бегать вместо курьера с бумагами. Бывают не только дни, но и целые месяцы, когда его работа ничем не отличается от работы техника. Техник, естественно, недоволен: «либо повышайте мне зарплату, раз уж мы делаем с ним одинаковую работу, либо подпишите заявление об уходе.» (Инженер Короленко).

Свидетельствуем, что во второй половине 1970-х годов положение не изменилось ни в части организации труда инженеров и техников, ни в их соотношении на производстве, ни в их зарплате.

ЛГ, № 30, 23-7-1969, статья «Работа и рабочий. Размышления хозяйственника»: «Мы готовим в 5 раз больше инженеров, чем в США. ...Не будет преувеличением сказать, что 80% технической и управленческой работы не требует инженерной подготовки и мы зря подчас стараемся «вытеснять» практиков специалистами с дипломами. ...Число лиц, занятых умственным трудом, или, вернее сказать, не занятых физическим трудом, растет значительно быстрее, чем в этом есть нужда, и в ущерб росту общественной производительности труда.» (Г. Кулагин, генеральный директор Ленинградского станкостроительного объединения им. Свердлова).

Отдавая должное упорству и мужеству, с которым советская печать ухитряется доводить до сведения общества эти нелюбимые размышления, повторяю: во-первых, число таких сообщений в советской прессе упало по сравнению с 1960-ми годами весьма существенно; во-вторых, единственной реакцией режима на эти и аналогичные письма, статьи, доклады и пр., которые в 1956 — 1969 г.г. шли «вверх» потоками гораздо более мощными, чем в массовую печать, явилось включение квалифицированных, в том числе дипломированных и даже имеющих научную степень, специалистов в физический труд путем систематической директивной отправки их в качестве чернорабочих на сельскохозяйственные и промышленные объекты. Массовый характер приняли случаи, когда молодой специалист, выпускник техникума или вуза, обошедшийся обществу в десятки тысяч рублей, — со дня поступления его на работу по специальности (т. е. согласно диплому) **МЕСЯЦАМИ** не бывает в своем учреждении (на своем

⁵⁾ В наше время **такого** капитализма уже нет. О личности несравненно больше заботы, чем в социализме. — Прим. ред.

⁶⁾ Мудрено ли, что ни одна западная страна, включая Израиль, не может абсорбировать инженеров, составляющих большую часть дипломированных эмигрантов из СССР?

предприятия), работая где-то (за зарплату техника или инженера, что является проигрышем для него, т. к. зарплата рабочего В ГОРОДЕ выше), на стройке, в цеху и пр. в качестве «разнорабочего» (с очень низкой — в этом качестве — квалификацией).

ЛГ, 10-IX-1969, статья «Вопрос третий: какова отдача инженера?»:

«Методы классификации и учета специалистов, а также условия их труда в СССР и США значительно отличаются. Я попытался в целях сопоставимости эти различия по возможности устранить. Все же полученные результаты следует рассматривать как сугубо примерные оценки.

Расчеты, основанные на данных статистических публикаций, позволяют сказать, что каждому миллиарду рублей валовой продукции всех предприятий в 1966 г. у нас соответствовал труд 4,3 тысяч инженеров, занятых в промышленных, ее научно-исследовательских учреждениях, конструкторских и проектных организациях. В американской же промышленности на ту же стоимостную величину (миллиард рублей продукции) приходится примерно 1,2 тысячи инженеров. Иными словами, «отдача» инженеров в США в 3,6 раза превышает нашу. Если же исключить инженеров, выполняющих административные и управленческие функции, то в расчете на одного инженера — производственника и исследователя различия в уровнях «отдачи» будут еще на треть больше.

Конечно, не сами инженеры, а также и руководимые ими рабочие в совместном с ними труде создают продукцию. Оказывает влияние и более высокая производительность машин во многих отраслях американской промышленности и ряд других факторов. Но даже при всей условности подобного соизмерения оно не может не навести на мысль о том, что наше превышение в численности инженеров и превосходство в качестве их подготовки не компенсирует пока еще разрыва в совокупной эффективности их труда.»

Если ни количество квалифицированной рабочей силы, ни качество подготовки ведущих специалистов — офицеров промышленности — инженеров не повышают совокупной производительности труда, если даже машины работают в одних условиях менее производительно, чем в других, не должно ли это заставить задуматься над способом функционирования всего производства в целом — над производственными отношениями?

Нет, не заставляет, даже независимых

ученых западных стран (о чем думают зависимые от всемогущего монополиста ученые Восточной Европы и СССР, — можно только догадываться).

Питер Дракер в своей книге «Эра скачкообразного развития», вышедшей в Лондоне в 1960-х г.г., ставит экономические перспективы индустриальных стран в зависимости от количества школьников, получающих среднее образование. В этой связи ему кажутся чрезвычайно радужными экономические перспективы СССР. Мы не можем судить о взаимосвязанности этих факторов для западных стран, но для СССР эти перспективы мало зависят не только от количества школьников со средним образованием, но даже от количества академиков. Для экономики не имеет положительного значения тот факт, что у разнорабочих колхозов или строек лежат в столах (или в отделах кадров числящих их за собой институтов) дипломы инженеров и техников; что у молкососов, заставляющих китайских интеллигентов каяться и «перевоспитываться» в сельских коммунах, нет этих дипломов, и т. д. В любой момент здесь могут возникнуть и возникают ситуации, при которых безграмотный агроном Лысенко, получивший от Сталина академический титул, занимает в общественной экономике и науке место убитого им гениального Вавилова.

Хотя сегодняшняя ситуация и не выглядит столь экстремальной, но на деле социальные потенции, права и места нынешних (несколько более лицемерных) лысенок и нынешних (не менее беззащитных перед ними) вавиловых не изменились.

По данным Д. Бардина, в СССР 46% всех рабочих заняты на вспомогательных складских, погрузочно-разгрузочных и ремонтных работах, «производимых в основном, вручную». Я. Смеляков в своей «Деловой Америке» сообщает о почти полной механизации погрузочно-разгрузочных и складских работ в США.

Освоение Севера...

Казалось бы, здесь приоритет России подготовлен историей и природой. Но:

«Если взять весь наш Север, то убытки только от прямых потерь из-за отсутствия техники в северном исполнении превышают 400 млн рублей в год. Полные народнохозяйственные потери, конечно, во много раз больше... ежегодно на ремонт одного бульдозера тратится на Колыме 12 тысяч

рублей, новая же машина стоит 7 тыс. рублей, ВКЛЮЧАЯ СТОИМОСТЬ ЕЕ ДОСТАВКИ НА СЕВЕР. ...Экономические и социальные издержки советского общества по хозяйственному освоению ресурсов сегодня выше общественно-необходимых. ...На 100 человек, работающих в основных отраслях хозяйства Магаданской области, приходится 530 человек, занятых в обслуживании (транспорт, ремонт, бытовые услуги и т. п.). Много это или мало? Для сравнения: в зарубежных странах, широко осваивающих Север, на 100 рабочих основных отраслей приходится 100-200 обслуживающих». (В. Левиков, А. Переведенцев, А. Смирнов-Черкезов, В. Травинский, «Колыма и колымчане», Северные экспедиции ЛГ, 14-Х-1968).

Мы не подсчитываем при этом миллиардных потерь периода «освоения» Севера армиями рабов кремлевского рабовладельца —

потерь не только хозяйственных, но прежде всего ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ, т. е. НЕВОСПОЛНИМЫХ.

Система обладает великолепными аппаратами принуждения и дезинформации; ее Центр сосредоточил в своих руках распоряжение всеми ресурсами общества, включая общественное сознание и волю; режим способен на длительное игнорирование интересов большинства населения, своих пороков, несообразностей и противоречий. Но от этого пороки, несообразности и противоречия не исчезают, а усугубляются и, в конце концов, могут привести к ориентации на прямую агрессию (в отличие от постоянно длящейся и нарастающей косвенной и замаскированной агрессии), которая, в свою очередь, явится не выходом, а катастрофой, и далеко не только для силы, развязавшей войну.

В. ИЛЬИН

ПЛЕЯДА ПРЕДШЕСТВЕННИКОВ СИМВОЛИЗМА

(Продолжение. Начало см. № 14).

И если бы писать настоящую работу о Тютчеве, то озаглавить ее надо было бы так: СИРОТА БЕЗДОМНЫЙ ПЕРЕД ЛИЦОМ БЕЗЫМЯННОЙ БЕЗДНЫ И РОКОВОГО НАСЛЕДИЯ. Так же и совершенно теми же словами пришлось бы озаглавить труд, посвященный Гераклиту древне-эллинскому. Но разница та, что Тютчев, Гераклит новых времен, знал не только роковое наследие эллинской трагедии, но еще и Благовестие Нового Завета. И эллинская Мойра заменилась у Тютчева Крестом Христовым. А с Крестом приходит и Дух Утешитель. Новый Завет был постоянным и любимым чтением Тютчева. И читая Благовестие Христово, он «сирота бездомный» мог там вычитать утешение и для себя: «В доме Отца Моего обителей много» (Иоан, 14, 2) и еще: «Не оставлю вас сиротами, приду к вам» (Иоан. 14, 18).

Несравненно более тяжелой была судьба и путь земной, поскольку нам дано догадываться об этом, путь загробный величайшего музыканта в области поэзии **А. Фета (1820 - 1892)**.

Чайковский верно почувствовал в авторе «Березы» собрата по СВОЕМУ искусству, то есть по музыке: «он смело сделал шаг в нашу область». Впрочем, Фет не только гениальный музыкант в поэзии, он

вообще был музыкальной натурой, обладая к тому же очень хорошим басом. Но бессмертие своих удивительных творений он купил такой непомерной ценой, потусторонним проклятием, что невольно вспоминаешь Ивана Карамазова и его летучее слово о непомерно высокой цене билета для входа в гармонию. Да и те, кто наслаждается гениальными творениями Фета, тоже вынуждены очень дорого расплачиваться за эти наслаждения: такой великой тоской они овеваны и так мучительно сладостна его муза. Она действительно чиста. Нам пришлось писать юбилейную статью о Фете. И в качестве эпиграфа мы взяли знаменитое место из «Нюрнбергских Мейстерзингеров» Рихарда Вагнера. Трудно переводимая избыточно-этическая строфа, смысл которой может быть приблизительно выражен так: «никто так сладостно не домогается любви как ты». Так же как и Гете, Фет, бывший на половину немцем, собственно — немецким евреем, на половину русским, внес некое веяние поэтического Востока. «Западно-Восточного Дивана». Впрочем, принимая во внимание значительное влияние еврейской крови, можно говорить и о «Песни Песней».

Когда мои мечты за гранью прошлых дней
Тебя найдут за дымякою туманной,
Я плачу сладостно как первый иудей
На рубеже земли обетованной.

Вот, собственно Шеншин, если именовать по отцу, встретив свою Суламиту был женолюб, хотя и погубил «единственную на свете», предав ее как Иуда за звон презренного металла и расплатившись за это тоже как Иуда — самоубийством.

Нет, я не изменил. До старости глубокой
Я тот же преданный, я раб твоей любви,
И старый яд цепей, отрадный и жестокий,
Еще горит в крови.

Хоть память и твердит, что между нас могила,
Хоть каждый день бреду томительно к другой,
Не в силах верить я, чтоб ты меня забыла,
Когда ты здесь, передо мной.

Мелькнет ли красота иная на мгновенье,
Мне кажется — вот, вот тебя я узнаю;
И нежности былой я чую дуновенье,
И содрогаясь — я пою.

Огромная, непостижимо убедительная истина глядит своими прекрасными глазами из непостижимо совершенной, непостижимо мелодичной лирики Фета: **ЕДИНА КРАСОТА, ЕДИНА ЛЮБОВЬ, И НЕТ В МИРЕ, НЕТ И ЗА ГРОБОМ «ИНОГО»...** Из каждого стиха звучит:

Что ты одна любовь, что нет любви иной.

Поэтому этой любви и этой красоте суждена вечность, можно даже сказать, что такая любовь и такая красота осуждены на вечность, особенно для того, кто согрешил предательством любви, как согрешил Фет:

Приветами, встающими из гроба
Сердечных тайн бессмертье ты проверь,
Вневременной поведем жизнью оба
И ты и я, мы встретимся — **ТЕПЕРЬ**.

Вечность и есть теперь, а «ТЕПЕРЬ» и есть вечность. Чистота и младенчество — вот любимейшие эпитеты, которыми предпочитает Фет ублажать отошедшую в вечность свою Суламиту, свою суженую, которую он, оттолкнув от себя, оттолкнул Того, Кто судил и подарил грешному поэту его дивную Суламиту, «грядущую от Ливана невесту».

Как лилия глядится в нагорный ручей
Ты стояла над первою песней моей,
И была ли при этом победа и чья?
У ручья ль от цветка? У цветка ль от ручья?

Ты душою младенческой все поняла,
Что мне высказать тайная сила дала,
И хоть жизнь без тебя суждено мне влачить,
Но мы вместе с тобой, нас нельзя различить.

Ты трава, что вдали на могиле твоей,
Здесь на сердце моем, чем старей, тем свежей,
И я знаю, взглянувши на звезды порой,
Что глядели на них мы как боги с тобой.

У любви есть слова. Те слова не умрут.
Нас с тобой ожидает особенный суд,
Он сумеет нас сразу в толпе различить,
И мы вместе придем. Нас нельзя различить.

Если жизненной и миросозерцательной трагедией Тютчева был дуализм эллинства и христианства, дуализм Мойры и Креста, трагедия, кончившаяся победой Креста, то жизненной и миросозерцательной трагедией Фета было нечто гораздо более страшное: **БЕЗБОЖНЫЙ ПЕССИМИСТИЧЕСКИЙ ВОЛОНТАРИЗМ ШОПЕНГАУЭРА и СОЗНАНИЕ ВЕЧНОСТИ, КРАСОТЫ И ЛЮБВИ, ЧУВСТВО БЕССМЕРТИЯ ПРЕКРАСНОЙ СУЖЕНОЙ, ВЕЧНОЙ СУЛАМИТЫ.** И через суженую поэта и певца этой суженой, судит сам ее творец.

Тютчев — шеллингианец; Фет — шопенгауэрианец. Родство Шеллинга и Шопенгауэра не подлежит сомнению. Шеллинг в известной степени — отец Шопенгауэра. Не подлежит сомнению и родство Фета и Тютчева.

Ловец, все дни отдавши лесу,
Я направлял по нем стопы.
Мой глаз привык к его навесу
И ночью различал тропы.
Когда же вдруг из тучи мгlistой
Сосну ужалил яркий змей,
Я сам затеплил сук смолистый
У золотых ее огней.
Горел мой факел величаво,
Тянулись тени предо мной,
Но обжевав меня лукаво,
Они смыкались за спиной.
Пестреет мгла, блуждают очи,
Кровавый призрак в них глядит,
И тем ужасней сумрак ночи,
Чем ярче факел мой горит.

Блестящий мастер философской прозы — Артур Шопенгауэр — делается основным фондом, откуда переводивший его Фет черпал свои философско-поэтические богатства. На траурном бархате этого миросозерцания блистают золотом, серебром и драгоценными камнями поэтические шедевры Фета.

Еще темнее мрак жизни вседневной,
Как после яркой осенней зарницы,
И только в небе как зов задушевный
Сверкают звезд золотые ресницы.

Среди этих звезд с особенной силой вспыхнул и загорелся образ загубленной им Елены. Этот образ как-то странно раздвоился и стал для него одновременно благословением и проклятием. Благословением — ибо станет его музой навеки. Проклятием ибо — до смерти замучит его всеми фуриями беспокойной совести.

Голубой огонь, отсвет лазурно-чистой девичьей души и грозные фурии близящегося ада — вот чем станет жизнь «приобретателя и миллионера» Фета-Шеншина.

Вчера все звезды так пышно огнем
  голубым разгорались,
А ты проходила неслышно, и взоры твои
  преклонялись.

Служить панихиды Фет не хотел и не мог. Ему оставалось лишь магия напевов и ритмов. Он и предался этой магии, порою белой, порою черной, стал ее страшным «верховным жрецом», иногда до жути напоминающим колдуна из «Страшной мести» Гоголя.

С бороною седою верховный я жрец,
На тебя возложу я душистый венец.

И покорная его вызовам милая тень, растравляя своей недоступной красотой смертную тоску, была грозной предвозвестницей того воздаяния, которого не избежать никому.

Я видел горный поворот,
Где снег стопой твоей встревожен,
Я рассмотрел хрустальный грот,
Куда мне доступ невозможен.
Вдруг ты вошла, — я все понял:
Смех на устах, в глазах угроза.
О как все верно подсказал
Мне на стекле узор мороза.

Фет вместе с Тютчевым и Вл. Соловьевым составляют тройку, от которой ведет свое начало новейшая русская поэзия. Особенность новой русской поэзии — ярко выраженный символизм, музыкально-ритмическая изысканность, магия. Особенно силен Фет в ритмо-мелодическом изобретении и в магии. Можно сказать, что магический эффект является у Фета большей частью целью, а ритмо-мелодия — средством, так что служителем принципа «искусства для искусства» Фет может быть назван лишь с оговоркой, будучи одним из самых ярких мистиков новейшего времени. Но его мистика, так же как мистика Тургенева, не знает молитвенного обращения к личному Богу, ни тем более — любви к Нему. Это — мистика неоплатонически-языческая, напоминающая философа Прокла (410 - 485),

особенно в том, что можно было бы назвать таинством грезы и сна.

Сновиденье, пробужденье, тает мгла;
Как весною надо мною высь светла.
Неизбежно, страстно, нежно уповать.
Без усилий, всплеском крыльев залетать
В мир стремлений, преклонений и молитв
Радость чуя, не хочу я ваших битв.

«Страстно нежное упование» Фета есть стремление к невозможному. Его заклятия стремятся вызвать из царства теней давно умершую. Подобным образом и теургия Прокла сводится к общению с потусторонним миром средствами музыки и поэзии. Но так же как Орфею, Фету это удается лишь на половину — с полной неудачей в финале и с ужасами потустороннего воздаяния в перспективе для самого мага-поэта. Здесь много аналогий с Блоком и Вл. Соловьевым. Фет имеет дело с жуткой тайной павшей Мировой Души, которая согласно Проклу, связывает чувственный мир с умопостигаемым. По учению неоплатоников, Мировая Душа распадается на великое множество отдельных существ. Пантеон — это или пандемониум, или, что гораздо страшнее, может быть, евангельский «легион бесов». Вот жуткий вопрос, на который ответ может быть только двусмысленным. Это существа божественные, демонические, астральные...

Среди этих образов дано было ему уреть и загубленную им на земле девушку, к которой вспыхнула у него эта мучительная, «вторичная» эротика, оставшаяся на этот раз без ответа, ибо там «не женятся и не посягают». Иго смертной тоски и самоубийственный конец были мистическим воздаянием гениальному старцу за содеянное им в молодости преступление, за измену по отношению «единственной на свете», вечный покой которой он потревожил своими заклинаниями. В этом смысле жизнь и творчество Фета представляет образ великого вполне реального трагизма. Его подлинный смысл открывается лишь в меру чистоты сердца и совести. Но разгадано все это может быть лишь в бесконечных перспективах тех «полей», куда «отходят без возврата».

(Окончание следует)

АНАТОЛИЙ КУЗНЕЦОВ

СОВЕСТЬ

Раз тридцать, может быть, если не больше, я слышал, как мой дед Федор Власович рассказывал свою историю ухода из родительского дома. Рассказывал, когда приехали гости, рассказывал приятелям по второму и третьему разу. Особенно, когда случилось выпить рюмочку, он возбуждался и, перебивая разговор, без всякой связи вдруг восклицал: «А вот послушай, как я в молодости ушел из дому!». Краткая эта история заключалась вот в чем.

Дед родился и вырос в селе Шендеровке, Каневского уезда, в какой-то отчаянной крестьянской семье, с одиннадцатью детьми, отцом пропойцей, жившей в полуразрушенном курене, и спасали их коровенка, да две лошади. И дед рассказывал, что когда ему исполнилось шестнадцать, то ли семнадцать лет, послал его отец в ночное пасти коней. «А я взял этих коней, — говорил дед, — и погнал их, и погнал их в город, и продал на ярмарке. И с той поры домой больше не вернулся». Здесь дед умолкал и странным взглядом, с каким-то глубинным, больным вопросом смотрел на собеседника, а тот, озадаченный, бормотал что-то вроде глубокомысленного «М-да...».

Никто не спрашивал, и я не спросил, да если бы и догадался спросить: а зачем, собственно, дед рассказывает ЭТО? — думаю, что он сам не нашел бы внятного объяснения. Из него это просто выпирало, и все. Жило в его естестве, давило и естество делало попытки как бы изрыгнуть, выбросить это. При чем любопытно, что дед никогда не продолжал, не делал оценки, и **невозможно** было понять, что из этого следует: «Смотрите, какой я был удалой молодец» или «Какой я был подлец, какая шкура: семью зарезал ведь, зарезал отца-мать и детишек малых». Нужно понимать, что значила лошадь для крестьянской, да еще такой нищей и многодетной семьи.

Нет, дед никаких оценок не делал; рассказывал просто факт. Может быть, подсудно, подсознательно ждал, что кто-нибудь оценку сделает? Именно подсознательно уже жаждал какого-нибудь суда, приговора, меры наказания и искупления. Может быть, тогда тяжелый, как камень, факт полегчал, растворялся бы и забывался. Дед был, конечно, верующим, на исповеди ходил, но, по-видимому, и исповеди, и отпущения грехов не помогали. Доказательство тому: когда ему уже было под девяносто, и

и он впал в старческое детство, уже почти ничего не помнил из своей жизни, факт об украденных у родителей конях выпятился у него в сознании вообще чуть не на первый план. Он постоянно рассказывал его таким же как он глубоким старикам, да так и умер с тем в доме для престарелых где-то под Полтавой.

Помнится мне и пьяница-газетчик на строительстве Каховской ГЭС по фамилии Бурыба, у которого на совести был свой, так сказать, «факт-фикс». В прошлом он был герой войны, фронтовик, танкист, что подтверждали и многочисленные жуткие шрамы, и целая гроздь медалей и орденов. Но, напиваясь, он из всех своих военных походов, как заведенная пластинка, рассказывал всегда только одно и единственное: как они, танкисты, насильовали немок в Пруссии.

Ворвавшись первыми в какой-нибудь городок, танкисты его Т-тридцатьчетверки первым делом бросались по немецким домикам в поисках ценностей и женщин. Потом отводили танк метров на сто пятьдесят и прямой наводкой разносили в щепы домик вместе с ограбленными и изнасилованными немками в нем. «Раз-дол-бали — и пошли дальше, во как, брат!» — заканчивал он, грохая кулаком по столу.

Он много раз повторялся с большой точностью, никогда не путал деталей. Это в нем клокотало, жило неугасающим огненным сгустком, и он — совершенно точно так же, как мой дед — испытывал, по-видимому, непонятную, невыразимую для него самого **потребность** это рассказывать, рассказывать, без всякой опять-таки оценки, и ошарашенные собутыльники не находились тоже ни на что другое, кроме глубокомысленного «М-да...».

...А скажите, **вам** не приходилось вдруг резко переворачиваться или садиться в постели от ни с того, ни с сего вдруг явившегося воспоминания о чем-то скверном, нелепном в вашей жизни? В постели, потому что чаще всего такие образы являются в момент, когда засыпаешь, или во сне, — когда сознание находится в состоянии расторможенном, предоставленное самому себе.

В это время оно иногда играет с нами шутку: выкладывает нам то, что мы хотеторможенном, предоставленное самому себе. забыть, или ловко сплетенной сетью логических натяжек и софизмов давно уже по-

крыли, погребли, утоптали и утробовали. Кто бы мог подумать: а оно, оказывается, живет.

Если вы скажете, что с вами никогда, ни разу ничего подобного не случается, то позвольте усомниться: не кривите ли вы душой? Разве что вы просто еще очень молоды. Молодая совесть довольно ленива и толстокожа; мучает она все больше с возрастом. К такому заключению я пришел, наблюдая других людей, наблюдая самого себя. У меня, кажется, нет одного такого ведущего факта-фикс, как у деда Федора Власовича, или у героя-танкиста Бурыбы, но не в меру услужливое, все, оказывается, помнящее, сознание время от времени вдруг ни с того, ни с сего, казалось бы, преподносит мне какой-нибудь неблагоприятный факт из моей жизни — во всей его объемности.

Это что-то вроде архива, кладовой или склада в нас, с надписью — хотя бы вроде этого популярного — «Никто не забыт, ничто не забыто». Даже если нам самим кажется, что забыто накрепко и навсегда. В нужный момент, — или вернее, в НЕнужный момент оно может выскочить и встать перед глазами живее живого.

Поясню, пожалуй, теперь собственным примером — только одним, да и то самым безобидным, отваги для изложения которого мне хватает, главным образом и наверное потому, что дело очень давнее, случилось, когда мне было 17 лет. Я не помнил этого, совершенно не помнил, как его и не было, на протяжении лет двадцати этак. Потом однажды — как выстрел, как удар в лицо, это полуприснилось, полупривиделось мне в момент, когда я засыпал, и я подскочил и сел с мучительным стоном. — До микроскопических подробностей, до, действительно, воздуха, погоды, цвета, запаха, звуков — все память выдала в неприкосновенности.

То было в 1947 году, в эпоху, когда «архипелаг ГУЛаг» достигал кульминационных вершин своего разбухания. Человека хватили за одно слово или случайность. Портниха шила и, не глядя, воткнула иголку в газету — случайно попала в глаз портрета Лазаря Моисеевича Кагановича — загремела в лагерь. Сторожу приказали перенести в клуб огромный гипсовый бюст Сталина, он обвязал его веревкой, взвалил на спину — и получил срок за то, что провокационно и контрреволюционно набросил петлю на вождя. И так далее.

Я, как всякий молодой человек, конечно, курил. Мама моя, как всякая мать, ко-

нечно, на меня за это кричала. Я курил, прячась от нее. Однажды, придя с работы раньше, она застучала меня в сенях с папиросой. Я, увертываясь, выскочил на крыльцо, она за мной с нотациями, да так громко, чтобы и соседи, и улица слышали, и чтобы мне стало стыдно. А я, так же громко, на всю улицу, ответил: «А товарищ Сталин — курит!». Мама так и поперхнулась. Сегодня это смешно. Тогда это было — страшно. Побледнев, дрожащим голосом она что-то забормотала, что товарищ Иосиф Виссарионович Сталин — человек уже в возрасте и он начал курить при старом царском режиме, это совсем другое дело, а я живу при советской власти, которая мне все дала... Это говорилось так жалко, так перепуганно, для людей, ДЛЯ УШЕЙ улицы, которые жадно слушали. Но победа была, конечно, моя. Обошлось, это...

Но скажите, какая юная дрянь! Какой готовый, оформленный, кругленький Павлик Морозов! Какая во всем этом безграничная мерзость! Юная, розовощекая мерзость...

Так вот, именно только к примеру, эта сценка начисто выветрилась из моей молодой головы на срок в целых лет, этак, двадцать — а потом вдруг из глубин памяти явилась, как удар, так, что я застонал. И с того началась ее вторая, нет, совсем не назойливая, наоборот, очень скромная, строго моей совестью осужденная, конечно, но объективно отпечатанная на страницах моей жизни краской несмываемой, несчищающейся. Было? Было. Не забыто? Оказывается, НЕТ.

...Да я говорю о совести. В сегодняшнем практическом до абсурдов, материализированном до, порой, фарсов и свинства мире говорить о **совести** некоторым представляется безнадежно старомодным, или смешным, или наивным. Напрасно. Это они сами очень наивны.

Пользуясь выпавшей мне возможностью сравнивать Запад и Восток, я нахожу, что в советском обществе положение с такими вещами, как совесть, доброта, порядочность, честь — неизмеримо тревожнее, чем где бы то ни было. Этими словами в советском обществе часто называются явления, диаметрально противоположные тому, что эти слова означали раньше, и что единственно они могут означать. Героями называют последователей Ленина-Сталина, по вине которых в стране произошли трагедии, самые крупные во всей ее истории. Якобы подлинной «социалистической» (в кавычках) добротой называется умение быть безжалостным. Слово «порядочность» почти исчез-

ло из обихода. Это печально, но это совсем не значит, что сами явления могут исчезнуть. Нет, они ни приказным, ни декретным, ни агитационно-пропагандным путем, ни путем лжи перед другими или лжи перед самим собой — не уничтожимы.

Совесть — это нечто такое, что существует независимо от нашей воли. Это сильнее нас. Управлению не поддается. Временному искривлению, временному молчанию, временному подавлению — да. Но только временному. Зато с тем большей силой, как вышедшая из-под контроля пружина, расправляется потом, и мстит, и бьет. С совестью шутки плохи — эта истина, старая, как мир, но она и вечна, как мир, не стоит забывать об этом.

Совесть никакому управлению, включению там или выключению, — не поддается. И, между прочим, одним из парадоксов людской цивилизации мне лично кажется то, что в изучении неживой природы мы дошли до порядочных-таки глубин, и можем похвалиться знанием мельчайших движений нейтронов и позитронов, но о кардинальных — важнее которых, может быть, и нет — явлениях в человеческой личности как, скажем, совесть, — знаем не больше, чем древние ассирийцы или вавилоняне. А то, может, и меньше?

Но ведь от того, что мы этого не знаем, что мы это игнорируем, что мы над этим, в невежестве своем, еще и смеемся, происходит, как мне кажется, ЛЬВИНАЯ доля бед людских.

Ну, хотя бы вот такое, в чем я (наперед говорю) глубоко убежден и могу доказать и объяснить, как на ладони, но изложенное в виде просто краткого тезиса: «Совесть не поддается управлению, не поддается полному выключению, заглушению или обману» — многие с этим согласятся ли? И уж тем более, многие ли из молодых, вступающих в жизнь, знают это, понимают и мозгом, и душой как серьезнейшую непреложную истину? Глупая ошибка дедов, повторенная глупыми отцами, продолжает повторяться глупыми детьми, затем детьми их — каждый что-то там слышал о совести, но не верил, потом, может, убеждался на опыте под конец жизни, что это серьезно, но уже было поздно, а когда пытался научить других — ему уже не верили. И так поколения за поколениями повторяют, как по писаному, все одно и то же.

Один из моих самых простых, этих так сказать «учебно-наглядных» примеров был с героем-фронтовиком, танкистом по фамилии Бурыба, которого я знал лично уже как

беспросветного, страшного алкоголика, который, напиваясь, из всех событий войны постоянно, маниакально рассказывал только одно: как в Пруссии они, танкисты, врываются первыми в какой-нибудь городок, бросались по домикам грабить и насиловать немок, а потом, немного отведя танк, прямой наводкой разносили в щепы и домик, и немок в нем. Вечно заросший щетиной, какой-то изломанно-сгорбленный, с дикими, по-звериному сверкающими глазами, с трясушимися руками алкоголика, этот Бурыба производил тяжелое впечатление, и кончил он свою жизнь где-то всего лет в сорок с лишним довольно бесславно: лежащего пьяным поперек дороги, его переехал бульдозер, возвращавшийся со смены без света.

В связи с этим такой вопрос. Если бы ему, молодому, в его лет шестнадцать-семнадцать-восемнадцать показали, как на экране, каким он будет в сорок, какой он главный подвиг совершит в жизни, как будет о нем рассказывать собутыльникам в заплеванной пивной, и как он закончит свою жизнь, выйдя из этой пивной, — не пришел бы он в ужас, юный мальчик?

Допустим опять, что после демонстрации такого фильма отец бы сказал ему: «Знаешь, постарайся не делать в жизни бесчестных и подлых вещей. Ты можешь избежать военно-полевого суда, можешь ни от кого не услышать даже полслова упрёка, но это чепуха. Главный суд в нас. Он казнит страшнее любых придуманных людьми судов и мер наказаний. И, главное, его избежать невозможно, он не выключается, не заглушается, не обманывается». И, может быть, в данном случае, данный человек, юный мальчик по фамилии Бурыба, прислушался? Может быть, он иначе бы жил? Может быть, и не грабил бы, и не насиловал, и не разносил дома с людьми прямой наводкой? А что? Может быть, и сегодня он бы жил?

Так нет же, кинофильма о своем будущем он видеть не мог, а тирады насчет совести он, возможно, слышал, и не раз, так, краем уха, не придавая им значения, а то и просто зубоскаля: «Ха-ха, нашли чего нам говорить: о совести! Наивные дураки!» Напрасно. Сам он был наивный дурачок.

Это, повторяю, случай наиболее простой и прямолинейный, который для классификации и можно определить, если хотите, с довольно мрачной иронией, как «учебно-наглядный». Далее я хочу привести случай чуть сложнее.

Многие задаются вопросом: что сейчас

поделявают былые сталинские энкаведисты, все эти следователи, начальство сталинских тюрем и лагерей, эти садисты, руками которых как раз конкретно и уничтожались миллионы? Частично они сами себя стреляли, судили, замучивали, естественно, как пауки в банке, ликвидировались самим хозяином, подобно Ежову, в этом проявилась какая-то справедливая месть жизни. Но те, что уцелели, что остались безнаказанными, ушли на персональные там разные пенсии — и живут себе по сей день припеваючи? И совесть их не мучает, и не рассказывают своих подвигов, как Бурьба, потому что с самого начала так убили в себе эту самую совесть, что и следов не осталось? Мучает

разве что иногда страх: как бы все ж наказание не вышло? Я лично знал ряд таких... язык не поворачивается сказать «людей», одно время они меня очень интересовали, пока я не убедился, что в подавляющем большинстве они походили с ума.

И это такое сумасшедствие, при котором очень плохо. Им вечно плохо, их все без исключения мучает, и в этом виноват весь мир, а расстрелять или посадить мир у них уже как-то нет возможности, и от этого еще хуже — не жизнь, а постоянное жаренье на сковородке. Одного такого типа я наблюдал более года, живя с ним в одной квартире.

(Продолжение следует)

ВЛАДИМИР РУДИНСКИЙ

ОБЗОР ЗАРУБЕЖНОЙ ПЕЧАТИ

Вашингтонская «Зарубежная Русь» больна острой юдофобией; рассудок молчит, кричат эмоции. Печать свободна; что возразить против выпуска антисемитского органа? Но зря издатели приплетают монархию и православие, кои с их бреднями и рядом не лежали. Когда они перепечатывают мысли Розанова и Победоносцева, — выходит нелепо; те, по уму и культуре, в подобный журналчик не влезают. В № 5 В. Кривооротов (как сказал Солженицын: и кто им имена дает?) выступает в роли фальшивых дел мастера, приписывая самому Галичу богоборческую тираду, произносимую в его поэме Сталиным! Недавно «Наша Страна» поймала «Зарубежную Русь» на лжи; теперь та гордо отвечает, что в полемику не вступает. Оно и благоразумнее...

В заметке Н. П. «О политической активности» в «Русской Жизни» от 25 мая, поражает восторг перед Н.Т.С. и пессимизм насчет остальных организаций, и наводит на беспокойство враждебность к новейшей эмиграции en gros. Эюд же Г. Ясиницкого «Под сенью крестов», в № от 22 мая, вызывает и худшие еще опасения смешением симпатии к духовному возрождению России и примиренчества с советской властью. Съездив в СССР, он пишет: «Так нигде и никогда меня не ободряли в моем тайном стремлении любить и прощать» Существенно все же: любить кого? прощать кому? В № от 14 июня В. Завалишин дельно указывает, что Б. Окуджаву лучше бы величать не бардом, а менестрелем. Но набра-

но отчего-то не менестрель, а министрель!

Правильны размышления Я. Тельнова об «Анатомии сепаратизма», в «Нашей Стране» от 20 июня: «Начавшееся возрождение русского народа должно быть поддержано всеми народностями Советского Союза, потому что освобождение русского народа от ига коммунизма будет означать автоматически освобождение от этого ига также всех других народностей России. Но оно не будет означать распада России». Жаль, что неправилен зато язык статьи. По-русски не существует арменов, а есть армяне; чьи великая культура, тяжелые страдания и постоянная лояльность к России заслуживают нашего уважения и запрещают нам баловаться с их именем. Неудачно и новообразование латвийцы вместо латыши. Оно могло бы значить — как россияне для России — жители Латвии, независимо от этнической принадлежности». Но нуждается ли маленькая балтийская страна в данном неологизме? Больно читать, в № от 27 июня, неожиданные под пером В Богдан в статье «Беженцы в Юго-Восточной Азии», жесткие слова о наших братьях по мукам, спасающихся от гибели и рабства! Она им предписывает «моральную и душевную твердость перед лицом коммунизма, а не бегство от него». А мы-то все? Они боролись, пока могли; а загонять их назад в Гулаг — чудовищно. Не умеем помочь, будем молчать; а не изрекать бездушно: «ни одной стране не нужны чужие люди». Почему-то, однако, красные чилийцы нужны всем.. Мы

думали, президента Франции зовут Жискард д'Эстен; в «Нашей Стране» он стал Жискард д'Эстенъ. Чудасия, мосьпане?

№ 6 «Русского Возрождения» углубляет основную его линию, совпадающую с лозунгом Тугарина Змиевича: Лицом повернемся к обдорам! Главный жупел для **независимого русского православного национального органа** (вспоминается острога о Священной Римской Империи, не бывшей ни Священной, ни Римской, ни Империей!) — Петр Великий, которого К. Скворцов цинично именует, в статейке «В поисках правды» (!): «Петр, называемый Великим». Да уж, как ни называй, маленьким не сделаешь! И на памятнике стоит *Petro Primo Catharina Sekunda*, а читается: Петру Великому от Екатерины Великой». Оказывается, «плоды реформ Никона и Петра... привели Россию к большевистской безбожной революции!» Для настоящих русских патриотов такие фразы — дикое, безобразное кощунство. Ну, да *nihil novi sub luna*: см. труды советских историков школы Покровского.

Но, ополчаясь против европейской России во имя азиатской допетровской Руси, журнал в то же время пышет злобой против тюркских племен Империи и всего ее мусульманского элемента, столько поту и крови вложившего в построение на одной шестой земного шара государства Белого Царя! Краснеем перед нашими согражданами с Кавказа, из Крыма и из Средней Азии, плечом к плечу с нами сражавшимися против большевиков в гражданскую и во вторую мировую войны, за благоглупости, каковые о них отмачивает „*La Renaissance Russe*”. Претит нам и неприятно подчеркнутая ставка на «русских, украинцев, белорусов и карпатороссов». Да, на то пошло, православные зыряне, мордва и якуты, века делившие нашу участь, куда нам ближе, чем галицкие и угорские русины, никогда не входившие в состав царской России! Забивать клин между славянами и не славянами в СССР значит переходить с русского исторического пути на роковой путь немецкого национал-социализма. Под маской православия «Русский Ренессанс» все наглее пропагандирует старообрядчество. Ясно, не надо преследовать старообрядцев и мешать им соблюдать свой устав. Но уж чтобы в наш обиход внедрять двоеперстие и ошибки переписчиков в церковных книгах, возникшие в темные дни татарщины!... Нас не тому учили родители и Церковь; и мы за свою веру тоже готовы стоять. Неужели Заграничный Синод благословляет сию вред-

ную дурь? Хуже, чем раскол (невинный, ибо наивный): тут налицо филетизм. Если важен **национальный** характер культа, — мы живо докатимся до реабилитации хлыстов и скопцов (уж на что русских!). А то и до воскрешения тоже ведь славянских по корням богомилов. И смех, и грех! Зачисляя в индекс Пушкина и Гоголя, журнал с умилением цитирует великого путаника Мережковского! Из кого же состоят члены финансирующих журнал организаций, как Союз Дворян и Академическая Группа? Из чистых славян по крови, а по вере — беспоповцев и ревнителей Белокриницкого Соглашения? Что до монархических группировок, — им бы тут и совсем не место: речь идет о расчленении России и разрушении русской культуры ударами **справа**.

Огромная статья Г. Рара «Зарубежная Россия и ее задачи» наредкость пуста. Попытки подсчитать число эмигрантов, сейчас и прежде, тонут в надутой схоластике: считать ли эмигрантами русских, живших в Риге и Харбине? (Конечно, да!). Считать ли украинцев, белоруссов и других нацменов? (Лишь тех, кто себя признает россиянами.) Считать ли живущих в сателлитах? (Нет; их положение то же, что в СССР.) Об эмигрантской молодежи ничего толком не сказано. Вычисление по формальному признаку бумаг — вздор совсем; у старых эмигрантов часто иностранный паспорт; новые — были принуждены скрывать свое советское подданство. В результате, — статистике Рара грош цена. Что до его суесловий о новейшей эмиграции, ясно, что людей надо судить по мыслям и поведению; происхождение и время выезда — второстепенны. Обзор же политических течений у Рара сводится к однобокой формуле: Н.Т.С., Н.Т.С. и еще раз Н.Т.С. О прочих — он мямлит нечленораздельное. На случай советско-китайской войны он призывает эмиграцию к оборончеству. Это есть ложная дорога; именно следовало бы тогда и русских и китайцев призывать, не боясь применить ленинскую фразеологию, «к превращению войны империалистической в войну гражданскую»; за их и нашу свободу!

«Континент» ухитрился стать еще скучнее! Хотя и то:

Казалось, ну ниже
Нельзя сидеть в дыре.

Ан глядь, постаравшись, — можно. № 20 это доказывает. Стихи тут, без изъятья, — вполне бездарные; включая и кубинских поэтов в переводе В. Бетаки (правда, подлинника мы не видали). А. Цветкову не по-

могает даже и написание личных имен со строчной буквы (**минин** и **пожарский**). Вопреки показанию К. Кузьминского:

И Достоевский без штанов,
И без банкнот идет, сутулясь

в рамках русской литературы без штанов ходил один статский советник Попов, да и то во сне. О себе поэт констатирует:

Мой стих неясен. Знаю сам.

Теперь мы будем знать тоже.

Ф. Кандель, Ю. Орлов и др. нудно описывают быт концлагерей; им ли тягаться с Солженицыным и Паниным? Так ли уж нам нужно знать, в каком порядке заключенных водят на оправку? Новое у них — только оттенок руссофобства. Рассуждения Э. Оганесяна о национализме неубедительны, так как базируются на кибернетике и физике, не пригодных к анализу человеческих чувств, взглядов и идей. Есть и исключения (подтверждающие правило). Отличный анализ Б. Парамонова «Парадоксы и комплексы А. Янова» вздымает (давно пора!) воздвигнутые на недобросовестных передержках и беспардонных вымыслах построения этого злого врага русского народа, делающего себе карьеру в Америке на неспособности Запада различать между Россией и большевизмом. Кабы да «Русское Возрождение» печатало **такие** статьи, оно бы выглядело достойным своего имени. А вот почему «Континент» — не отличающийся широтой взглядов! — отступился от своего любимчика Янова? Скорее всего, — прислушался к общественному мнению. Недурен еще написанный без претензий очерк И. Ахмедова о финской войне, где он участвовал как советский офицер.

Континентские рецензии на книги и журналы — источник дезинформации; слабые вещи нередко расхвалены до небес (например, роман А. Битова «Пушкинский дом»). Э. Коган справедливо разносит Э. Лимонова, но... в грязных, скатологических выражениях; например, приписывая ему «потребность поизмываться над святошей и ханжой, который в нужнике не бывает и намеревается проникнуть в рай с полными штанами». О критике, как и о критикуемом, остается согласиться с Гейне:

Dass sie alle beide stinken.

С. Войцеховский авторитетно разъяснил о «Современнике», в «Нашей Стране» от 12

января: «что почти все сотрудничавшие с этим журналом... с ним порвали». Просматривая последние номера, мы встречаем, помимо Л. Фабрициуса, А. Гидони и Г. Румянцевой, следующие имена (из более нам известных): М. Волкова, В. Самарин, Д. Панин, В. Перелешин, иг. Г. Эйкалович, В. Рудинский, Е. Кармазин, А. Удодов, В. Ингул, Т. Пахмусс, С. Мюге. Для эмигрантского журнала, право же, не так уж плохо! Вот на будущее предсказать затруднительно... **Орган русской культуры и национальной мысли** становится все отчетливее нерусским журналом на русском языке, превращающимся постепенно в журнал антирусский. Что может повлечь и изменение в составе сотрудников.

№ 42 открывается этюдом М. Полянского о незавершенной пьесе Гоголя «Альфред». Он прав: трудно угадать развязку «Арапа Петра Великого» или «Русалки» «хотя см., например, книжку С. Рассадина «Драматург Пушкин» (Москва, 1977). Но тут сюжет определяется ведь исторической судьбой героя; вопрос лишь — как бы писатель ее осветил. Полянский слегка упрощает, считая его целью нарисовать идеального правителя. Жизнь вессекского короля была бурной и драматической: оттолкнув народ опередившими свой век реформами, разбитый в бою датчанами, упорный сын Этельвульфа укрылся в лесах и болотах, вел партизанскую войну, сумел вернуть себе трон; а потом уж руководил подданными по законам практической мудрости. Так что его урок, скорее то, — как монарх должен переносить невзгоды, бороться с препятствиями и учиться на ошибках. Удивляет очерк К. Акулы про Я. Купалу: «До Купалы белорусский поэтический язык был плохо разработан... Заслуга Купалы... в совершенствовании родного языка». **До Купалы** имелся М. Богданович, непревзойденный мастер стиха и слога; Купала с ним соотносится как Кольцов с Пушкиным. Правда, Богданович творил в условиях свободы, в царской России, не принуждаемый врать, как бедный Купала, которому не диво, коли жизнь опостылела: то ли он покончил с собою (как Есенин и Маяковский), то ли большевики его убили (*mutatis mutandis*, как Гумилева и Мандельштама). Но страдало он от идеологического, а не от национального гнета: его произведения публиковались большим тиражом, в оригинале и по-русски. В лучших, самых искренних своих вещах, он перекликается с Есениным, так обращаясь к родному краю.

Гарбы твоіх нямых кургану,
Дзе спяць нявольнікі і князі,
Парэжа сталь, як нож барану.

А. Гидони дает добросовестное переложение нескольких слабых, грубо политизированных стихов Купалы, заставляя нас пожалеть, что он не продолжит лучше работать над более талантливым и ближе ему интеллектуально созвучным Богдановичем.

Е. Кармазин, сцепившись с А. Кроном по поводу романа Лимонова, не выпускает противника из своей хватки без тяжелых увечий. Но он употребляет некоторый *tour de force*, сосредоточиваясь целиком на социологической стороне разбираемой вещи и обходя ее порнографическую сущность. Как мы уже писали, критика Америки, — как раз наиболее приемлемая часть в исповеди Эдички; что и позволяет Кармазину о нем трактовать не без участия (каковое он вряд ли испытывает к однополым похождениям героя на пустырях Нью-Йорка.).

Не будем пытаться разбирать статью Г. Эйкаловича «Что же такое знание», требующую для понимания глубоких познаний в философии. Ни статью А. Гидони о России, полную блестящих и более чем сомнительных историософских парадоксов. Не станем толковать и о многочисленных, иногда очень острых полемиках, представленных в номере; любители дискуссий здесь найдут богатый материал для обсуждения. Тем более не будем отвечать врагам России из орды всяческих самостийников; их делобрань и клевета; и у нас с ними нет и быть не может ни общего языка, — даже когда они говорят по-русски, — ни общих интересов (наши и их — противоположны). Поражают претензии И. Синявина к «Нашей Стране», вычеркнувшей его из списка сотрудников (в чем она не первая; может быть, и не последняя), когда он раскрыл свою антирусскую платформу: столько свободы у русской эмигрантской прессы еще есть, чтобы не печатать неподходящее ни редакции, ни читателям, просто для них отвратительное; мы — не в СССР.

Рычание сепаратистов нас не пугает. Пусть их привезут в Россию в иностранных обоях, — их фиаско там неминуемо; и звон долларов, столь отраднй за рубежом, поддержит их как веревка повешенного. А пока — пускай себе болтают.

Коль скоро «Современник» болеет за самоопределение народностей, почему бы ему, оставив на миг в покое Россию, не перенести свои **разъединоделимческие** комплексы (имитируем его собственный стиль!)

на Канаду, где он обитает и которой уйм места на своих страницах отводит? Проблема независимости Квебека сейчас на повестке дня, и информация о ней из первых рук для русской публики представляла бы значительную ценность. Художественная часть журнала на сей раз мало интересна, и проза, и еще менее стихи. Отрывок из романа Г. Румянцевой слишком краток, чтобы судить о целом. На наш вкус, у героини, — **златокудрой Горгоны**, — чересчур говорящая фамилия; Фриловская (от *free love*?). Можно только приветствовать, по содержанию, удачное и по форме стихотворение А. Гидони о генерале Власове.

№ 135 «Нового Журнала» бледноват. Отрезок из мемуаров Р. Гуля, — о русском театре в Берлине, — совсем мал. Рассказы М. Маргулиса и Е. Любина бессодержательны, а у первого еще отдают неприятным блатным духом. Начало большого романа В. Вейдле грешит тем же дефектом, что и прежняя беллетристика покойного писателя: герои педантично и длинно говорят о своих чувствах (не всегда убедительных). В номере много стихов, но посредственных. Ценнее остального обстоятельная статья Н. Натовой о Достоевском; хотя, сравнивая его романы с детективным жанром, автор упрощает дело: вопрос о грехе часто и глубоко затрагивается Честертоном, в цикле о патере Брауне; тайна отнюдь не всегда раскрывается лишь в конце: нередко преступление описано сразу, а затем показано его раскрытие (например, во всех рассказах Р. Виккерса). Статья И. Яхота о книге видного генетика Н. Дубинина «Вечное движение», опубликованной в СССР, оставляет сомнение: и впрямь ли крупный ученый стал ренегатом.

В отличие от прежнего, весьма слаб стал в журнале отдел рецензий, на треть занятый однообразными, субъективными и поверхностными оценками Ю. Иваска. Впрочем, не лучше и другие. В. Завалишин превозносит З. Шаховскую как почитательницу и ценительницу Пушкина; вовсе напрасно! Мы помним антипушкинскую кампанию в «Русской Мысли», а о «познаниях» Шаховской свидетельствуют ее полная грубейших ошибок книжка „*La vie d'Alexandre Pouchkin*”.

Гадко читать в «Русской Мысли» от 6 сентября оскорбительно несправедливые воспоминания А. Бахраха о В. Смоленском, одном из лучших поэтов эмиграции в целом. Правизна его состояла не в букве ять, а в любви к России и ненависти к большевизму (о своих монархических взглядах он гово-

рил мало; но вот о Соловках, о Врангеле, о троцкистах — он говорил): религиозное чувство, вплоть до мистицизма, исполняло все его творчество; что до горечи, — нам ли, изгнанникам, ее не понять? Публика, более чуткая и умная, чем критики, Смоленского высоко ценила; в 50-е годы его выступления в Париже превращались в триумф; избрание в члены правления Союза Писателей явилось тому как бы официальной санкцией. Глубоко искренний в стихах и в жизни человек, простодушный, безразличный к земным благам и по сути мало честолюбивый, абсолютно чуждый актерству и наигранности, приписываемыми ему Бахрахом, В. А. Смоленский (вспоминаю вечера в его скромной, но гостеприимной квартирке на улице Лакретель и встречи с ним на съездах Р.С.Х.Д.) был, по характеру и даже по облику, истым служителем муз, словно бы прислушивавшимся непрестанно к их неслышным нам речам. Литературовед Бахрах сумел не понять прекрасную и ясную строфу:

И сливается голос мой
С голосами глухими народа
Над его огромной тюрьмой
Над тесной моей свободой.

Почему же тесной? — глумится он, Разжуже: советские поэты издавались для масс, но им приходилось лгать; зарубежные могли сказать правду, но лишь для узкого круга: на родину их слова не доходили. Теперь начинает доходить; и Смоленского Россия не забудет. А вот позорную заметку Бахраха авось забудет; иначе — тем хуже для ее автора.

Рифмованная мазня, открывающая № 1 «Эха» за 1979 г., рисует смешную картинку: малолетний журнальчик, лежа в люльке, дрыгает ногами и истошно вопит. Проходил некий старик, остановился и слегка отшлепал разоравшегося дитя. Что за старик, не ведаем; но видать дельный. Лишь он исчез из виду, расшалившееся юное чадо прогресса воинственно визжит:

Прочь колыбели беги —
Не было чтоб ни ноги!

Даже и для годовалого ребенка — недальновидно! Что как старик вернется, да еще и с пуком крапивы? Скажем за себя, мы мешать экзекуции не станем; а даже вздохнем, как ростановская Роксана:

Зачем же не успели
Вы, сударь, задушить младенца
в колыбели?

Уж очень наглое и противное бэби народилось у парижской новейшей эмиграции..

Оно полно приклатенной прозы (кормят нас ею, а нам не лезет!) и стишат на уровне ни в зуб ногой. Эту начинку можно принимать вместо рвотного... Охарактеризуем ее по Орвеллу, которого диссиденты неумеренно любят: «Двухплюс нехорошо».

У Е. Шварц, в «Простых стихах для себя и для Бога»:

Молитва
прорастает сквозь череп
рогами.

Богу сии молитвы без надобности; с ними надлежит обращаться не ввысь, а вниз к тому, кто и сам — с рогами. Не диво, что состряпав их, поэтесса ощущает, что ей:

Покаянье горло живую слезою дерет.

Единственное исключение в номере — стихи О. Охупкина. Подобраны тут, — определенно талантливые и дышат настоящей (а не липовой, как у Шварц) религиозностью.

Ньюйоркский журнальчик «Мысли и факты», основанный г-дами Синявским и Болдыревым № 1-11, заслуживает подзаголовка «Ненависть к России». Закономерно он оплевывает всех царей; Пушкина и Лермонтова. Более неожиданна его откровенная ориентация на Китай! Что не мешает ему болтать о демократии... Но, как сказал Пушкин:

Судите же, какие розы...

К чему опровергать потуги отождествить русских с большевиками? И попытки извратить факт, что русский народ от большевизма пострадал не меньше, а скорее больше, чем любой народ России и мира? Отвергнем категорически лживые фразы о сочувствии русским: цель наших врагов — сперва нас ослабить, а потмо с нами расправиться. Но, опять же:

Вы храбры на словах, — попробуйте на деле!

«Факты и мысли» решительно против референдума в России. Что же: нам русским, он ни за чем и не нужен. А они, господа сепаратисты, правы, что своих народов боятся. Как выразился К. Симонов:

Вы тревожьтесь; это вы верно.

В «Периодике» М. Сергеева, в «Русской Мысли» от 20 августа, изумляют его яростные нападки на «Современник» (вплоть до употребления неприличных слов!). Отвечу на то, что относится лично ко мне. Он

остолбенел, увидев мое имя в «Современнике»; но я там пишу больше года, о чем он сам многократно упоминал! Журналист от-

вечает за свои статьи; не за чужие. И я столь же мало отвечаю за мнения г-на Болдырева, как тот — за мои.

В. ПИРОЖКОВА

СТРАТЕГИЯ МОСКВЫ

О книге Hans Graf Huyn, „Der Angriff. Vorstoss Moskaus zur Weltherrschaft. Verlag Molden. Wien-Munchen-Zurich-Innsbruck. 1978. 276 стр.

Граф Ганс Хуин, «Нападение. Продвижение Москвы к мировому господству».

Автор — известный немецкий политик, депутат Бундестага, член христианско-социального союза Баварии.

Уже заглавия глав его книги носят несколько вызывающий характер:

1. Третья мировая война уже началась.
2. Троянские кони и троянские ослы КГБ.
3. Винтовки террористов несут социализм.
4. Кремль требует платы.
5. Даешь Европу!
6. Решение в Африке.
7. Конечная цель — это Америка.
8. Наш ответ — свобода.

Первая глава начинается словами: «Мы живем в состоянии мира, которого нет. На самом деле третья мировая война уже началась». Под этой войной автор подразумевает классовую борьбу на международной арене, ведомую коммунистами согласно принципам марксизма-ленинизма. Она идет полной силой не вопреки политике «разрядки напряжения», напротив, она является составной частью этой политики, и «мирного сосуществования» в советском понимании этих слов. Далее граф Хуин справедливо утверждает, что ответственной политика возможна только при употреблении ясных понятий.

Тем непонятнее, что уже во втором разделе первой главы автор цитирует Карла Маркса и его статьи в американской газете "New York Daily Tribune" в 1856 году и в английской газете "The Free Sheffield Press" в том же году. В этих статьях Маркс утверждает неизменность якобы всегда агрессивной русской политики. Граф Хуин, правда, спешит добавить, что идея панславизма, на которую ссылается Маркс, устарела, панславизм заменен коммунизмом, но «стремление к безграничной власти» со стороны России осталось. По иронии судьбы, пишет автор, враг России Маркс дал свое

имя агрессивной России.

Мы должны сказать, что никакой ясности мысли мы здесь не видим. Сначала автор совершенно справедливо говорит о стремлении к мировому господству коммунизма, действующего по рецепту марксизма-ленинизма. Но уже на следующей странице марксизм-ленинизм превращается в «вечный империализм России», а Карл Маркс, основатель этого самого марксизма, чуть ли не идейного союзника автора, христианина и консервативного политика.

Маркс и Энгельс совершенно логично со своей точки зрения ненавидели императорскую Россию и призывали к революционной войне против нее. В этот период они объявили всех славян низшим народом. Писания Фридриха Энгельса тогда мало чем отличались от писаний Альфреда Розенберга. К сожалению многие этих статей Маркса и Энгельса не знают. Михаил Бакунин не без основания обвинил тогда Маркса в расизме и пангерманизме.

Однако Маркс, — отдадим ему должное, — остался верным своей идеологии и признался в своей ошибке по отношению к славянским народам, когда в России появились террористы. Террористы ему весьма понравились. Он даже стал изучать русский язык. Поэтому граф Хуин неправ и на счет «иронии истории», это не ирония, а железная логика истории: когда мастера массового террора победили именем Маркса, они и не снимают его имени со своих знамен.

Эта путаница в самом начале книги, к сожалению, снижает ее принципиальное значение, в то время как дальнейшее изложение фактического продвижения вперед советского коммунизма можно назвать блестящим.

Работавший в контр-разведке во время войны, а после войны также в контр-разведке Западной Германии подполковник Герман Баун передал еще в 1946 году американцам секретный советский документ, который ему удалось раздобыть, и в котором излагался план Советского Союза, рассчитанный на долгий срок. Согласно этому плану первой целью Москвы была коммуниза-

ция. Китая. Вторая фаза предусматривала изгнание европейских колонизаторов из Африки и постепенное овладение этим континентом. В течение третьей фазы должна была быть «освоена Латинская Америка». Без сырья Западная Европа перестала бы быть жизнеспособной и упала бы как зрелый плод в руки Советского Союза. Конечной целью завоевания являются США. По мнению авторов плана они, будучи изолированы, падут без войны.

Как мы видим, план этот пока выполняется неукоснительно. И хотя США знали его уже в 1946-м году, им не удалось его предостеречь.

Автор книги приводит также план Москвы для захвата Западной Германии, переданный Западу чешским генералом Сейной, бежавшим на Запад в 1968 году. Вот этот план: в какую-нибудь субботу в Германии произойдут «нацистские» беспорядки. На стенах домов появится свастика, и будут раздаваться нацистские листовки. Организуют все это, конечно, коммунисты. Будет пущен слух о предстоящем нацистском перевороте. Радио и телевидение всех стран сейчас же начнут распространять «сенсационную новость» о появлении в Германии нацистов. В Риме, Париже, Лондоне и Нью-Йорке начнутся демонстрации против неонацизма в Германии. В ООН будет созван Совет Безопасности для чрезвычайного заседания. Советское правительство подчеркнет свою ответственность за сохранение мира в Германии.

В Западной Германии немедленно будет создан руководимый коммунистами «Комитет мира». В ночь с субботы на воскресенье правительство Восточной Германии заявит через своих дипломатических представителей, что оно обеспокоено положением в ФРГ, и вынуждено принять меры. В тот же момент ударные части «национальной народной армии» перейдут немецко-немецкую границу. Места стационарирования союзных войск будут обойдены, им будет заявлено, что ГДР не поощряется на свободу ФРГ, и не хочет войны, ее войска только подавят «нацистский путч». Дальнейшее будет зависеть от реакции западных союзников. Если они проявят твердость и угрозы войной, то войска будут выведены. Если нет — если начнут переговоры — то войска останутся пока на территории Западной Германии, и создадут *fait accompli*.

* * *

В главе «Троянские кони и ослы КГБ» автор излагает ряд примеров дезинформации, заговоров, а также покушений и

убийств со стороны агентов КГБ. Он описывает инфильтрацию коммунистами разных организаций и кругов на Западе. Специальный отдел он посвящает проблеме инфильтрации церковных кругов, причем он считает особенно сильно инфильтрированным Экуменический Мировой Совет Церквей. Уже в 1961 году этот Совет заявил, что он должен «стать инструментом для радикальной реконструкции общества» — то есть, мировой революции, — по мнению автора. В 1977 году Мировой Совет в Женеве ассигновал 530 тыс. долларов вышколенным в Москве африканским террористам. Автор указывает на то, что лютеранская церковь в Германии оплачивает 38% всего бюджета Совета, и таким образом получается, что немецкий налогоплательщик частично оплачивает террористических убийц в Африке. Автор отмечает также, что в 1978 году по этому вопросу произошел первый разлад между Советом церковей и руководством лютеранской церкви Германии.

Все приведенные в этой главе факты чрезвычайно интересны и поучительны, но не исчерпывают всех методов советской провокации. Было бы хорошо, если бы западные политики приняли бы также во внимание опыт советской провокации в русской эмиграции между двумя войнами. В них, как в капле воды, отражаются методы, применяемые коммунистами и в более широких размерах. О некоторых из этих провокаций появились книги в самом Советском Союзе. Кроме того, мы очень рекомендуем вышедшую на немецком языке книгу известного польского писателя Иозефа Мацкевича «Победа провокации». *Iosef Mackiewicz "Sieg der provokation" Munchen 1964, 268 стр.*

* * *

В главе о терроризме автор справедливо отмечает, что духовными отцами терроризма были Маркс и Ленин, а Сталин дал и практические примеры, организуя ограбление банков. Нити современного терроризма во всем мире, в том числе и в Западной Германии, тянутся к Москве.

В следующей главе автор показывает, насколько опасна хозяйственная поддержка, которую свободный мир оказывает Советскому Союзу, и как последний обращает ее против того же свободного мира. Автор вспоминает слова Ленина, что капиталисты продадут коммунистам и ту веревку, на которой последние их повесят.

В пятой главе граф Хуин указывает на то, что Москва, как и де Голль, хочет Европу от Атлантики до Урала, только ко-

нечно, не свободную, а коммунистическую. Германия, как еще говорил Ленин, является ключом Европы. Поэтому на Германию обращено сильное внимание. Конрад Аденауер писал незадолго до своей смерти, 10 сентября 1966 года: «Левое крыло социал-демократов придет к власти, велика опасность, что германское правительство под таким руководством пойдет рука об руку с единой социалистической партией и ГДР».

Скажем от себя, что по нашему мнению это предсказанное Аденауером положение наступит, если социал-демократы победят на выборах 1980 года.

Нет возможности в одной рецензии изложить все то, что граф Хуин пишет об уже состоявшейся, или возможной податливости некоторых кругов социал-демократической партии по отношению к коммунистам. Мы разрешим себе указать на наши статьи в «Новом Журнале» и «Новом Русском Слове», где положение в Германии описывается аналогично.

Граф Хуин настоятельно предупреждает против доверчивого отношения к так называемым еврокоммунистам, указывает на их тесную связь с Москвой и называет их «волками в овечьей шкуре».

В конце главы автор обращает внимание и на военную опасность для Европы со стороны Советского Союза, особенно на северном и южном фланге Европы.

В шестой главе автор описывает постепенное проникновение советчиков в Африку. Большую помощь оказывают при этом сателлиты, особенно войска Кубы. Но и другие сателлиты посылают своих военных в Африку. Так, там появляется все больше немцев из Восточной Германии. Глава заканчивается следующими словами: «Москва готовится к борьбе за Южную Африку. В Кремле знают: если южный мыс Африки станет «мысом Красной Надежды», то Европа созреет для советизации. Тогда Москва выиграет третью мировую войну, которую она втайне ведет уже с 1945 года».

В седьмой главе автор описывает значение Индийского океана для мирового господства Москвы, и указывает на продвижение коммунизма на Дальнем Востоке в результате неудачного ведения войны американцами во Вьетнаме. Автор указывает на то, какое давление Советский Союз все время оказывает на Японию, пользуясь Северной Кореей как «кинжалом, направленным на Японию».

Мы можем добавить, что недавнее убийство южно-корейского президента Парка

вызывает невольное сравнение с убийством южно-вьетнамского президента Диема. На экране западно-германского телевидения журналист из Красного Китая после этого убийства выразил уверенность, что вскоре произойдет объединение Кореи в коммунистическом духе.

Автор описывает и проникновение советчиков на Ближнем Востоке, в Афганистане, в арабских странах, где, однако, так же как и в Индии, у Советского Союза были не только успехи. В Египте он, например, потерпел поражение.

В этой же главе говорится и о том, что Советский Союз поставил ногу у ворот США, на Кубе. В последний момент удалось предотвратить захват Чили. Своим главным врагом СССР по-прежнему считает США — подчеркивает автор.

* * *

В последней главе автор указывает на то, что красный колосс все же стоит на глиняных ногах, потому что нельзя заглушить стремление к свободе у подвластных коммунизму народов, в том числе и у русского народа. Автор перечисляет попытки освободиться, восстание в Восточном Берлине, в Венгрии, «весну» в Чехословакии и растущую оппозицию повсюду, в том числе и в России. Он пишет, что важными союзниками западных государств являются подъяремные народы, в том числе и русский.

Мы согласны с автором в том, что заглушить стремление к свободе у народов нельзя — и что подъяремные народы могут стать важными союзниками свободных стран. Но относительно настоящего момента мы не так оптимистичны как автор. К сожалению, советской провокации удалось вклиниться и в «диссидентскую сцену». Сейчас трудно всегда точно определить, где идет истинное сопротивление, а где нечистая игра КГБ. На эту тему было много статей и в нашем журнале, и в других органах русской эмиграции. Если мы посмотрим на Германию, то, вероятно, не ошибемся, предположив, что Вольф Бирман и Рудольф Баро — не истинные оппоненты и критики коммунистического режима, а подготовленные этим же режимом проповедники коммунизма в Западной Германии.

Общей ошибкой почти всех западных политиков, которую разделяет и автор, является убеждение, что коммунистический Китай непримиримый враг СССР и истинный друг и союзник свободного мира. Мы писали подробно о диалектической стратегии конфликта мирового коммунизма в ста-

ть «Разделить один на два в № 9 «Голоса Зарубежья». Здесь мы не можем повторять аргументов и ограничимся только указанием на то, что своей «ссорой» обе коммунистические державы помогают друг другу. Получив вооружение от Запада, Красный Китай в нужный момент снова соединится со своим коммунистическим соперником. Так например, обе коммунистические державы прекратили столь волновавшие Запад пере-

стрелки на Уссури, когда в них больше не было надобности.

Под конец автор перечисляет ряд разумных мероприятий, необходимых для защиты свободы против наступления коммунизма.

Хотелось бы, чтобы большое число людей заинтересовалось этой книгой и задумалось над тем обширным материалом, который она предлагает читателю.

Е. КАРМАЗИН

НОВАЯ ПОЛИТЭКОНОМИЯ И ОБЩЕСТВО НЕЗАВИСИМЫХ Д. ПАНИНА

Вслед за книгой «Вселенная глазами современного человека» вышедшей в 1976 году (см. рецензию В. Пирожковой в № 4 «Голоса Зарубежья»), Д. Панин выпустил ее вторую часть. (Д. Панин, «Мир-маятник», 1977). «Мир-маятник» — многогранная книга. Она содержит этические принципы людей доброй воли, политэкономии на энергетическом уровне, критику марксистской теории коммунизма, законы немарксистской диалектики, схему построения общества материального изобилия, оценку революций 1917 г. в России и 1789-94 гг. во Франции и пути освобождения от коммунистического режима. В настоящей статье мы рассмотрим в основном экономическую часть книги, оставляя другие вопросы на обсуждение соответствующих специалистов.

Свою политэкономии автор строит как опровержение схемы Маркса и создает совершенно новую и убедительную теорию. Согласно Д. Панину, стоимость изделия состоит из активного, пассивного и машинного труда. Активный труд — это работа предпринимателей, администрации, инженеров, рабочих, транспорта и торговли. В отличие от марксистской схемы здесь подчеркивается, что изделие производят все категории работников, а не только производственные рабочие. Пассивный труд — это стоимость материалов и оборудования, но также, в отличие от марксистской схемы, сюда входит как необходимый элемент — труд по обеспечению порядка в стране для нормального хода производства. И, наконец, машинный труд, отсутствующий в схеме Маркса. По теории Д. Панина, именно этот труд создает прибавочную стоимость за счет природных источников энергии, а

не за счет эксплуатации рабочих, как утверждает марксизм. Д. Панин отмечает, что затраты энергии работников ничтожны по сравнению с количеством природной энергии, используемой машинами. Автор указывает на решающее значение открытий в появлении машин и использовании природных источников энергии. Не труд, как утверждает догма, создал человека, а его способность к творчеству. Без открытий люди до сих пор ютились бы в пещерах. Возможно, благополучный Энгельс изменил бы свою легкомысленную схему превращения обезьяны в человека, если хоть отдаленно вообразил бы мучения зеков-рабов в сталинских лагерях, замечает в другом месте автор. (Д. Панин, «Постулаты марксизма и законы природы», 1978, стр. 53).

Д. Панин делит оплату труда на две части — производственную и бытовую (экзистенциальную). Производственная оплата компенсирует активный труд работника на производстве. Экзистенциальная — покрывает расходы работника в быту, на содержание семьи, обучение детей, поддержание здоровья и удовлетворение культурных и религиозных потребностей. Производственная оплата происходит за счет активного труда работника, а экзистенциальная — за счет машинного труда на основе природной энергии. Д. Панин указывает, что на заре капитализма в эпоху мануфактурного ручного труда экзистенциальная оплата происходила за счет продуктов сельского хозяйства, содержащих трансформированную солнечную энергию. Эта оплата была очень низка в связи с незначительным количеством использованной природной энергии.

Д. Панин определяет форму эксплуатации в тоталитарных странах. В лучшие периоды существования СССР происходит тотальная эксплуатация, когда работнику компенсируется энергия, затраченная на производстве, и покрывается лишь малая часть нормальных бытовых расходов, т. е. обеспечивается существование на предельно низком уровне. В колхозах тотальная эксплуатация осуществляется путем изъятия всех продуктов колхозного урожая, когда крестьяне существуют обработкой, за счет отдыха и сна, крошечных приусадебных участков. К тотальной эксплуатации относится также проведение всевозможных субботников и воскресников, т. е. бесплатной работы населения в нерабочее время (то же следовало бы сказать о регулярной мобилизации городского населения на принудительные сельхозработы). В концлагерях Сталина и Гитлера применялась убийственная эксплуатация, когда пища и условия труда и жизни таковы, что заканчиваются смертью заключенных. Аналогичную эксплуатацию труженики СССР испытывали в периоды искусственно созданных голодовок, карточной системы, продразверстки, коллективизации и других форм массового голода с миллионами погибших.

Далее Д. Панин излагает разработанную им схему построения общества, некоторые пункты которой представляют особый интерес. Так, например, нежелающие трудиться переходят в разряд отказчиков, и им выдается минимальная рента. Даже потенциальные преступники имеют право пребывать в числе отказчиков, пока не нарушат закон и не попадут за решетку. Это весьма отличается от убеждений Е. Эткинда (см. «Записки незаговорщика», стр. 148), что тунеядцев следует выселять из городов и ссылать на северную каторгу.

В отличие от М. Агурского, В. Белоцерковского, В. Турчина и других, Д. Панин не изобретает утопическую (и потому потенциально тоталитарную) беспартийную систему, но признает свободу союзов и партий, избрание из их числа депутатов, борьбу за получение парламентского большинства и т. д. По убеждению автора, борьба между людьми, их объединениями и властями никогда не исчезнет, но должна принять более благородные формы. Автор считает, что современный капитализм — ствол эволюции человеческого общества. Он органически противодействует застою и загниванию и способен создать новые лучшие формы для своей системы. Коммунистические диктатуры представляют искусствен-

ные боковые ответвления, это носороги и бронтозавры, порождение фанатиков, наросты на теле человечества, неспособные к положительному развитию.

Д. Панин полагает, что следует осуществлять контроль идей, но исключительно путем критики, а не цензурных запретов, в отличие, например, от М. Агурского, считающего цензуру совершенно необходимой (см. «Из под глыб», стр. 94). Критика не навязывается, не должна быть обязательной для читателей, и протекает в рамках демократических свобод, пишет автор. Во всех случаях следует уважать волю народа, высказанную в условиях свободы. «Возражения против этого могут быть только у тех, кто боится обнаружить умственное банкротство».

Некоторые идеи автора вызывают возражения. Так, он предлагает превратить все государственные предприятия в СССР в акционерные кампании, с распространением акций поровну между постоянными работниками и с разрешением акционерам свободно продавать акции. При такой системе все акции быстро сконцентрируются в руках жуликов и махинаторов (и просто преступного мира), скопивших деньги на незаконных действиях. Несомненно, что они стали бы осуществлять жестокую эксплуатацию трудящихся, т. к. по всем свидетельствам известен их низкий и порочный моральный уровень («все, кто работает — быдло и дураки», «деньги не пахнут» и т. п.). Д. Панин не учитывает, что в условиях свободы на государственных предприятиях обеспечиваются все права трудящихся, как об этом свидетельствует опыт Запада, и что в наше время даже труд администраторов оплачивается путем окладов, а не прибылью от акций. Начать изменения можно было бы вероятно, с разрешения частникам открывать новые предприятия, сохраняя государственный контроль над качеством и прибылью.

Далее Д. Панин предлагает передать все жилые дома в СССР в собственность жильцов. Опять таки, это никак не послужит решению жилищной проблемы, а лишь ее обострению и спекуляции жильем. Для решения жилищного вопроса есть только один способ — массовое жилищное строительство с соответствующей отменой закона о прописке. С другой стороны нельзя ничего возразить автору на план решения колхозной проблемы: сельскому населению раздаются земли и скот; сельхозмашины передаются территориальным товариществам по совместной обработке земли; в дальнейшем крестьянство, по всей вероятности, выбо-

рет для своего процветания фермерский путь развития.

Д. Панин считает режим в СССР тоталитарным государственным капитализмом. На мой взгляд нельзя отказать советской системе в названии «социализм», а именно — тоталитарный социализм.

Затем автор осуждает интеллигенцию, относя ее к отрицательным явлениям. Однако, ему следовало бы для ясности пользоваться термином «антиинтеллигенция», т. к. далее он указывает, что работники умственного труда к «интеллигенции» не относятся: «интеллигенты, как правило, получили поверхностное образование, широко используют терроры, насилие, обман. Большинство людей умственного труда — созидатели культуры и цивилизации, среди разруши-

телей же резко преобладают недоучки».

В заключение хочется процитировать высказывания Д. Панина, названные им «правилом котла». «Отрицательные о нас самих высказывания служат неожиданными толчками, помогающими нам осмыслить свое поведение в разрезе возводимых обвинений, извлечь из них урок и пользу и иногда открыть глаза на ускользнувшие от внимания особенности. Отрицательные высказывания выполняют роль топлива, подкладываемого в топку нашего котла».

Очень полезное для всех правило. Вот только где взять нам волшебника Мерлина (описанного Ириной Сабуровой в «Королевстве», Мюнхен, 1976, стр. 83) и его дракончиков, чтобы всегда напоминать нам о толерантности?

Research Centre for Prisons,
Psychprisons and Forsed-Labor
Concentration Camps of the USSR.

Zikhron Yaakov Box 32

Director A. Shifrin.

СООБЩЕНИЕ ДЛЯ ПРЕССЫ

4 июля 1979 г. наш Центр созвал в Тель Авиве прессконференцию, где была представлена наша новая исследовательская работа: «Женщины и дети в лагерях СССР-1979 г.». На этой прессконференции выступили бывшие политзаключенные и среди них г-жа Эдела ШЕРМАН со своим ребенком-дочерью Ларисой; г-жа Шерман пробыла до 1979 г. в лагере для женщин в гор. Горьком, где находилось примерно 1500 заключенных и среди них примерно 70 женщин с грудными детьми и детьми в возрасте до 2-х лет: они содержались в одной лагерной охраняемой зоне; а ее дочь Лариса была в спецдетдоме для детей арестованных.

Эта наша работа, посвященная «Году Ребенка», вызвала широкий отклик в прессе свободного мира.

Но и в СССР немедленно отреагировали на нашу работу: 6 июля 1979 г. агентство ТАСС категорически, но голословно отвергло, как ложное, наше сообщение о женщинах и детях в лагерях СССР, директор Центра А. Шифрин был назван «клеветником» и «новым Геббельсом», а Агентство Франс Пресс, первым опубликовавшее нашу работу, они обвинили в том, что оно идет «на поводу» у сионистом-антикоммунистов.

В ответ на расширяющуюся во всем ми-

ре волну публикаций о женщинах и детях в лагерях СССР, основанную на материалах нашего Центра, в ответ на запросы в Парламентах и программы телевидения (которому мы передали дополнительные фотоматериалы о лагерях для женщин и детей) последовало еще два «опровержения» ТАСС: 28 и 30 июля 1979 г. оно вновь обвинило нас в клевете на СССР и полностью отрицало наличие в СССР лагерей для женщин и детей; резким нападкам подвергся также известный парижский журнал «Le Point», опубликовавший большую статью по нашим материалам и фотографии в их подтверждение. После этой публикации во французском парламенте мэром города Ниццы был сделан запрос о целесообразности участия французских спортсменов в Олимпийских играх в Москве.

1 августа 1979 г. член ЦК КПСС Ю. Жуков выступил со специальной статьей в «Литературной газете», где опять голословно отверг наличие в СССР лагерей для женщин с детьми и обвинил директора нашего Центра в шпионаже, клевете и в том, что он «перещеголял в клевете самого Геббельса».

Но все это бряцание словами было бездоказательно, а наш Центр в ответ на это

сообщил прессе, что мы намерены, еще до Олимпийских игр в Москве, издать книгу «Путеводитель по лагерям, тюрьмам и псих-тюрьмам СССР», где будет более 2000 точных адресов мест заключения и 110 карт областей и городов; что среди этих карт будет и специальная карта лагерей для женщин с детьми и для детей; что там для туристов будут даны не только адреса, но и указано, каким городским транспортом туда можно проехать.

И вот реакция СССР: 21 октября 1979 г. советское правительство объявило о полной амнистии всем женщинам с детьми в возрасте до 7 лет, а также беременным, находящимся в лагерях и тюрьмах СССР.

Итак амнистия для тех, о ком мы сообщили миру с фактами в руках и наличие кого так категорически отрицали в СССР все: от ТАСС до ЦК КПСС; амнистия тем,

за кого нас назвали «клеветниками-Геббельсами».

Мы благодарим все Информационные Агентства, газеты, журналы, телекомпании и всех журналистов свободного мира, опубликовавших наши материалы о женщинах и детях в лагерях СССР: лишь благодаря их широкой информации пришла свобода к несчастным.

Наш Центр счастлив, если вложил свою долю труда в дело освобождения из лагерей СССР матерей с детьми: мы желаем им покоя и радости в их дальнейшей жизни.

Но мы все же издадим наш «Путеводитель по лагерям СССР»: ведь за время, остающееся до Олимпийских игр, советские власти бросят в лагеря других женщин с детьми, и туристам, увы, будет кого навестить в этих страшных местах.

**Центр Исследования
тюрем, психтюрем и лагерей в СССР.**

НЕКРОЛОГ

ПАМЯТИ ИРИНЫ ЕВГЕНЬЕВНЫ САБУРОВОЙ

Ничто не предвещало катастрофы в маленьком домике на окраине Мюнхена. В этом домике и садике все было сделано с любовью своими руками. Хозяйка трудилась неутомимо и почти чудом создала на маленьком участке разнообразие цветов. Тут цвели розы, душистый горошек, далии, десятки сортов тюльпанов и ирисов и многое другое, весенние, летние, осенние цветы, — все там было. И кроме сада еще огород, в котором даже выращивались огромного размера тыквы и кабачки. Не отсутствовали и деревья, сливы, рябины для домашней рябиновки, кусты смородины и крыжовника. Из всего этого готовились варенья, ягодные соки и всякие другие яства и питье, щедро предлагавшиеся многочисленным гостям.

Можно было подумать, что хозяйка была своего рода «старосветская помещица» нашего времени, милая и гостеприимная, но и только. Однако на самом деле домик и садик принадлежали высоко интеллектуальной и талантливой женщине, писательнице, журналистке, имя которой известно русской читающей публике на всех континентах.

Ирина Евгеньевна Сабурова родилась 19 марта 1907 г. в Риге, в семье офицера. Десятилетней девочкой она пережила в Петербурге, гостя у бабушки, первую революцию. Распушенные толпы с красными бан-

тами произвели на нее отталкивающее впечатление. Последствия первой революции — октябрьская революция — были уже не только отталкивающими, но жуткими.

Отец Ирины Евгеньевны сражался в Белой армии и пропал без вести. Видимо, погиб. Мать работала с утра до вечера, чтобы прокормить трех детей и себя. Уже 12-летним ребенком старшая из трех сестер, Ирина, заменяла нередко младшим занятую на работе мать, хозяйничала и быстро приобретала ту самостоятельность, которая отличала ее всю жизнь.

Ирина Евгеньевна любила Балтику, особенно Ригу с ее суровым климатом, недалеким взморьем и морскими ветрами как свою родину. Она выросла в Риге, училась там, 19 лет вышла замуж за поэта Александра Михайловича Перфильева. И в те же годы она начала сотрудничать в русской рижской газете «Сегодня», сначала как корректор, потом вскоре как журналистка. Когда начал издаваться русский иллюстрированный журнал «Для Вас» она стала его постоянной сотрудницей. В 30-е годы Ирина Евгеньевна сделала много для Театра русской драмы в Риге.

В 1938 г. вышел первый сборник ее рассказов «Тень синего марта». А затем Ригу захватил вихрь, промчавшийся по Европе. Оккупация Балтики советскими войсками,

поздний выезд в Германию вместе с вторым мужем, бароном Розенбергом, затем возвращение в Ригу во время немецкой оккупации и жертвенная помощь с риском для своей жизни гонимым того времени — евреям, снова бегство в последний момент и окончательное прощание с любимым, родным городом.

Об этом написано много в ее романе «Корабли старого города», о котором мы в следующем номере нашего журнала будем говорить отдельно, и в связи с романом так же о многих событиях того страшного времени, о ситуации людей, затертых и смятых в борьбе между собой двух страшных идеологий.

После войны начинается тяжелая беженская жизнь. Об этом Ирина Евгеньевна рассказала в своей книге «О нас».

Несмотря на тяжелое время в 1947 г. выходит в свет сборник ее прекрасных сказок «Королевство алых башен». Недавно этот сборник был переиздан, дополненный новыми сказками, написанными уже в Мюнхене.

В 1956 г. вышла в свет ее книга «Бесмертный лебедь» и сборник стихов «Разговор молча».

Написанный в 1947-48 гг. роман «Корабли старого города» был сначала опубликован на немецком языке в 1950 г., вскоре книга была переведена на испанский язык и вышла в Испании. По-русски «Корабли» увидели свет только в 1962 году. В последние дни своей жизни Ирина Евгеньевна вела переговоры с одним немецким издательством о переиздании «Кораблей» на немецком языке.

Начиная с 1953 г. вплоть до выхода на пенсию Ирина Евгеньевна работала переводчицей на радио-станции «Свобода». Она хорошо владела английским и французским языками.

Ирина Евгеньевна была много лет постоянной сотрудницей ньюйоркской газеты «Новое Русское Слово». Она написала много прекрасных статей, рецензий, делала переводы.

Наряду с работой на радио-станции, литературной и журналистической деятельностью Ирина Евгеньевна занималась еще и рукоделием, в котором она достигла высокого искусства. Талант к рукоделию она унаследовала от своей матери.

В Мюнхене ей пришлось пережить тяжелый удар: ее единственный сын умер в возрасте 34-х лет от, казалось бы, пустяшной операции отростка слепой кишки.

Выйдя на пенсию Ирина Евгеньевна не сложила рук. Все перечисленные занятия продолжали интересовать ее, и она трудилась неустанно, находя при этом каким-то таинственным образом время и для многочисленных гостей, и для учеников, занимавшихся русским языком, читала много книг. Знаменательно, как к этому человеку совсем не «модерных» взглядов и устоев была привязана молодежь, притянутая ее сильной личностью и одновременно ее добротой и гостеприимством.

А когда Ирина Евгеньевна узнала, что принципиальный антикоммунистический журнал «Голос Зарубежья» нуждается в помощи и поддержке, она сейчас же предложила свои услуги. Непримируемый и твердый антикоммунизм Ирины Евгеньевны не допустил ни минуты колебания, когда пришла возможность помочь делу борьбы против этого страшного интернационального зла. Она стала секретарем и незаменимой сотрудницей и другом нашего журнала. Потеря, вызванная ее смертью, для журнала бесконечно тяжела.

«Человек не должен терять связи с землей» — говорила часто покойная. И вокруг нее цвела жизнь земли, растения, животные, — была собака и две кошки. Душой этой цветущей жизни была сама хозяйка. Для многих ее мирок был полюсом покоя, некоей тихой пристанью, чем-то твердым и непоколебимым, пристанищем в нашей трудной, бурной жизни. Что бы ни случилось, какие бы трудности или несчастья ни постигли человека, он знал, что всегда найдет у Ирины Евгеньевны внимание, сочувствие и действенную помощь, если она возможна. В наше время редко на кого можно положиться. Люди меняют мнения и направления очень быстро. Они обещают поддержку и помощь, но им скоро надоедает, и они стараются поскорее отвернуться от того дела, за которое сначала горячо взялись. И здесь Ирина Евгеньевна была чем-то вроде твердого якоря. На нее можно было положиться.

И казалось, что этот маленький островок в нашем быстротекущем мире устойчив и непоколебим. Но всякая земная прочность призрачна. 17 ноября утром с Ириной Евгеньевной случился первый удар. Ничто его не предвещало. Накануне она была весела и радовалась, что пришел пакет с заказанными ею английскими книгами, за чтение которых она принялась вечером.

Как только мне сообщили утром 17

ноября, что Ирина Евгеньевна отвезена в больницу, я поехала туда и застала ее бодрой и в полном сознании, но потерявшей речь. Парализована она не была. Только пальцы правой руки плохо слушались, и она не могла писать. Она все понимала, живо реагировала и смеялась над тем, что не могла передать то, что хотела сказать. Этот ее добродушный смех над своей собственной беспомощностью был очень характерен для этой мужественной, стойкой женщины.

Но уже на другой день положение резко изменилось. Видимо, случился второй удар, хотя врач сомневался в этом. Но в субботу, 17 ноября, он еще выражал твердую надежду на поправку, на то, что речь восстановится, а теперь он был настроен пессимистично.

В воскресенье Ирина Евгеньевна еще явно узнавала посетителей и протягивала сама руку. В следующие дни уже трудно было сказать, узнавала ли она тех, кто стоял около ее постели.

22 ноября, в 7 часов утра, Ирина Евгеньевна скончалась.

Быстрая и неожиданная смерть человека, казавшегося символом самой жизни, смерть, которую мы, ее друзья, все еще не можем осознать, — это еще одно указание Господа на преходящую непостоянность всего земного, даже самого прекрасного. Только вечная жизнь, в которую перешла Ирина Евгеньевна, истинно непоколебима и непреходяща.

Царствие ей Небесное. Мы же ее никогда не забудем.

В. Пирожкова.

НУЖНО ПОМОЧЬ БОРИСУ СОЛОНЕВИЧУ

Нами получено письмо от Бориса Солоневича, редактора «Родины» о том, что его здоровье очень плохо. Он страдает какой-то странной болезнью, теряет способность сохранять равновесие при ходьбе. Доктора не могли поставить правильный диагноз.

Выйдя из больницы Б. Солоневич был принят в приют кн. Белосельского. Питание там, как он говорит, «худосочное», а доктора прописали дорогие лекарства и витамины, на которые у Б. Солоневича нет средств.

Вероятно, многие помнят семью Солоневичей, Ивана, Бориса и Юрия. Все они бежали из советских лагерей и всю свою

жизнь вели активную антикоммунистическую борьбу. Жена Ивана Солоневича Тамара была убита коммунистами. Теперь из семьи остался только Борис Солоневич, уже в преклонном возрасте. Ему следует помочь.

Пожертвования можно посылать ему непосредственно, по адресу: **Dr. B. Solonovich, 20 Chadwick Str. Glenn Cove, N. Y. 11542**, или через «Голос Зарубежья».

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

В мой «Обзор» в № 13 вкрались досадные опечатки. Вместо *Виргилий*, *Мерау*, *Хименес*, *Перелешин*, *Нарциссов* написано: *Виргиль*, *Меран*, *Хиженес*, *Перелишин*, *Нарцисов*. Вместо *кепчонка* — *кепочка*. Во фразе «Бог нас спас» выпущено «нас». Мемуары В. Некрасова я назвал «нудными», а не «трудными» (если они трудны для читателя, то лишь потому, что скучны). Вместо «имя его возлюбленной» напечатано «возлюбленного», словно бы я обвинил Проперция в противоестественном грехе (весьма, впрочем, ходком в Риме его дней)! На деле, воспетая им Цинтия была вполне реальной женщиной (которую звали Гостия или, возможно, Росция).

Принося извинения памяти великого латинского лирика, скажу ему словами сербского поэта В. Илича:

Да не омрачи тебя
И твою градянску тогу
Поруга или смех.

В «Обзоре» № 14 тоже есть ошибки, например, «задавать» вместо «задевать», *quati* вместо *quanti*.

Владимир Рудинский.

Главный редактор: В. Пирожкова
Verantwortlich fur den Inhalt:

V. Piroshkova

Адрес редакции: Dr. Vera Piroshkova
Einsteinstr. 104/III
D-8000 Munchen 80
W. Germany
BR Deutschland

Банковский счет —

Банк: Hypotheken- und Wechselbank
8 Munchen, Konto Nr. 2760094318

Перепечатка разрешается, но с указанием
источника

Напечатано в Русском Национальном
Издательстве «ГЛОБУС»
Сан Франциско, Калифорния, С.Ш.А.
GLOBUS PUBLISHERS P. O. Box 27086,
San Francisco, California 94127 U.S.A.

